

Анатолий Андреев

РЕЦ
+ НА +
РОСУ

15 коп.

АНАТОЛИЙ АНДРЕЕВ

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ И РАССКАЗЫ

ИЖЕВСК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «УДМУРТИЯ»
1980

Андреев А. А.

A65   Рейс на Росу.— Фантастическая повесть и рассказы.— Ижевск: Удмуртия, 1980.— 96 с. с ил.

Герои первой книги молодого автора живут в мире вычислительной техники и кибернетических устройств. И естественно, автор приходит к мысли заглянуть в будущее. В своих произведениях он показывает обычных людей в необычных ситуациях, окрашенных элементами фантастического.

A $\frac{70302-079}{M134(03)-80}$ 56—80

4702010200

P2

© Издательство «Удмуртия», 1980.

ПРОЛОГ

На смотровой балюстраде было темно. Чуть заметно светилось под ногами покрытие пола. Мимо проходили люди. «Традиционное место встреч и расставаний», — подумал Крис.

Он ругал себя за то, что пришел. Слишком это отдавало телеспектаклями, в которых героини-космолетчики перед подвигами приходили сюда прощаться с Землей.

Он побрел светящейся дорожкой к подъемнику, касаясь рукой нагретых за день перил, и вдруг остановился как вкопанный. Спина к нему, глядя на панораму ночной Москвы, стояла Вера. Он облокотился на перила рядом с ней. «Место встреч и расставаний», — вновь подумал он, но уже без иронии.

Огни мерцали перед ними, затопив землю до самого горизонта. Крис не произнес ни слова, но знал, что Вера его заметила и узнала. Ему вдруг стало тоскливо и возникло ощущение прощания, хотя он только что смеялся над этим. Возникло, потому что рядом была Вера. Потому что позади выпускной вечер, позади распределение, и судьба забросит их на разные трассы, и он так и не сможет сказать ей то, чего не решился сказать за все время учебы...

— Ты куда распределился? — тон был такой, словно она продолжила на мгновение прерванный разговор.

— На Базу Материального Снабжения. Извозчиком. Буду возить колонистам продовольствие, топливо, технику...

Он говорил, не поворачивая головы.

— Я тоже пришла сюда прощаться, а прощания не получилось... — вроде бы невпопад ответила она.

Он сразу понял ее, и вновь почувствовал сожаление к впустую утекающим минутам и властную необходимость повернуть ее к себе и сказать что-то, главное сейчас... Но не решился, и лишь посмотрел сбоку на ее чуть обрисованный во мраке слабым, рассеянным светом профиль. Посмотрел, и почувствовал холод внутри, и быстро отвел глаза.

Они перекидывались ничего не значащими фразами, и Крис обреченно подумал, что вот сейчас они доберутся до неизбежного: «А помнишь?..» Но на его вопрос о распределении Вера внешне равнодушно ответила: «На Базу Материального Снабжения», — и он побоялся переспросить, чтобы не спугнуть ответ, легкой зыбкой дорожкой легший от него к Вере. «Место встреч и расставаний», — опять подумал он, но уже вскользь, как о само собой разумеющемся. И они пошли к подъемнику, рядом, и он так и не узнал, какого труда ей стоило распределиться на Базу, на которую получил назначение он.

А в вагоне подъемника Крис, переполненный радостью и боявшийся расплескать ее, произнес вполголоса: «Вера...» — и онемел, увидев совсем рядом внимательные голубые глаза. Непроизвольно он повторил нараспев:

— Ве-ра...

В ответ на ее молчаливый вопрос пояснил, счастливый уже тем, что может стоять с ней рядом и говорить, склоняясь к ее уху:

— Это не только имя. На древнем русском языке это означало — «вера», вера во что-нибудь...

И смутился окончательно, боясь, что выдал себя, и не смея взглянуть на нее, стоящую совсем близко, совсем рядом, с доверчиво поднятым к нему лицом.

ПОЛМИЛЛИОНА ТОНН ГОРЮЧЕГО ДЛЯ РОСЫ

Грузовой корабль «Консула» — супертанкер с дедвейтом в полмиллиона тонн — вынырнул из подпространства в полутора астрономических единицах от желтого солнца.

Крис и Вера совершали свой первый самостоятельный рейс. Они летели вдвоем. Они и полмиллиона тонн горючего для колонии на Росе.

Телескопы показали Росу. Она действительно походила на каплю росы на черном бархате. Добавить увеличение было нельзя, диск планеты дрожал и расплывался на экранах. Сказывалась неощутимая вибрация от спрятанных за обшивкой непрерывно работающих механизмов.

Крис покосился на Веру — она сидела в кресле, нахохлившись. Отстегнутый ремень свисал до упругого пластика пола. По шестнадцатичасовому циклу вахт ей бы давно пора отдыхать...

Он послал ей менто: «Спать!» Она ответила сложным мысленным образом, Крис его не понял и промолчал. Вера рассмеялась — в ментообмене, обмене направленной мыслью, она была явно сильнее.

До Росы оставалось двадцать семь часов летного времени. Вера отправилась в свою каюту, а Крис удобнее устроился перед вычислителем и начал считать программу на обратный путь.

Он заложил ленту в вычислитель и откинулся в кресле. Прикрыв глаза, он настроился на Веру. Она тоже еще думала о нем, и менто-контакт прошел сразу, четкий и полный.

Перед закрытыми глазами Криса медленно сфокусировался прямоугольник зеркала. Он сосредоточился. Вера стояла перед зеркалом, задумчиво глядя в него и не видя своего отражения. Крис смотрел сейчас ее глазами. Ее лицо — в зеркале — плавало перед ним, зыбкое и неясное. Она задумчиво провела по телу рукой сверху вниз, он ощутил под пальцами теплый шелк кожи. Задержалась на миг под узкой ладонью ключица; плотно прилегла, в своем движении вниз, ладонь к груди...

У него пропало желание шутить. Крис тихо отключился, посидел минуту с закрытыми глазами. Было немного совестно, что он случайно подсмотрел то, что не было предназначено для него, но пальцы вновь ощутили шелковистую упругую кожу, и смутно проглянуло неверное отражение в зеркале, и для стыда не осталось места.

Дежурство было спокойным. Ни разу не прозвучал сигнал метеоритной атаки. «Консула» шла над плоскостью эклиптики, нацеливаясь на невидимую в пространстве точку, куда через сутки придет несущаяся по орбите Роса.

Крис ввел в вычислитель поправки и сидел, бездумно глядя на перемигивание контрольных лампочек на панели.

«Консула» простоит под разгрузкой не менее недели. Будет время показать Вере голубые водопады на Северном материке, побродить по звенящим рощам на Большой равнине, послушать шум прибоя у лакированных гранитных утесов.

Крис летел на Росу во второй раз. Впервые он побывал здесь, когда был на третьем курсе. Он тогда проходил летную практику у Габровского — веселого, хладнокровного пилота, лучшего навигатора Системы.

Крис переключил автоматику на звуковое оповещение и подремал немного, неудобно согнувшись в кресле. Открыв глаза, он увидел все то же спокойное перемигивание контрольных лампочек. Планета на экранах стала немного крупнее. Чуть слышно дрожал под ногами пол: неумоимо гремели где-то сзади, в хвосте полукилометровой громады танкера, маршевые двигатели.

В выпуклом стекле экрана в неверном, искаженном ракурсе отражалась рубка. Как в кривом зеркале, как в комнате смеха — до сих пор стоят еще в парках ведущие свою родословную с незапамятной древности фиберглассовые павильончики.

Это было не менто, нет, просто дрогнуло сердце. Крис не обернулся. В зеркале экрана далеко-далеко высветился прямоугольник двери, и в нем Вера. Словно выхваченный из пленки кинокадр. Потом все дрогнуло и сместилось. Пленка вновь пришла в движение. Вера пересекла рубку и опустилась в соседнее кресло,

свежая и отдохнувшая. Рубку заполнило ощущение утра и свежести, росы на траве и холодного, обжигающего солнца, громадного и яркого, повисшего над горизонтом. И Крис суховато, чтобы не выплеснуть переполнившей его радости, произнес уставную формулу передачи вахты.

Они долго сидели, наблюдая медленное перемещение планеты на экранах, вслушиваясь в монотонную песнь приборов, беседуя обо всем сразу и ни о чем в отдельности.

Она вдруг повернулась к нему, — в упор глянули на него (необычное и всегда захватывающее дух сочетание) светлые окаймленные черными ресницами глаза под смоляными полукружьями бровей, — и сердито скомандовала:

— Подвахтенный Крис Ионин! Марш отдыхать.

Он оторопело замолчал. В глубине голубых глаз прятались веселые огоньки. Вера сидела, уперев локти в подлокотник кресла и положив подбородок в ладони. Ноги ее покойно стояли на подножке.

Крис молча поднялся и пошел в свою каюту, и уже не видел ласковой улыбки, чуть тронувшей губы Веры.

Сигнал метеоритной атаки выбросил его из постели. Еще не проснувшись, Крис распахнул плечом дверь и выскочил из каюты, на ходу застегивая комбинезон. Магнитная застежка схватилась сразу, как приклеенная. Автомат дал около двух «же», тело налилось двойной тяжестью. Упрямо набычив голову, проминая ногами пластик пола, Крис тяжело пробежал по рубке и грузно опустился в жалобно простонавшее амортизаторами кресло.

Взгляд на экран координатора сразу объяснил ему, в чем дело — рядом, пересекающимся курсом, пролетал обломок скалы. Автомат форсировал маршевые двигатели и «Консула» проскочила перед астероидом, но курс требовалось теперь заново корректировать.

Крис стряхнул с себя остатки сна и протянул руку к панели вычислителя.

— Не тронь! Моя вахта! — быстро проговорила Вера.

Она была права. Крис сидел и смотрел на ее сосредоточенное лицо, подсвеченное сиянием экранов, и слу-

шал синкопированное пощелкивание переключателей пульта под ее пальцами.

По рубке гулял прохладный ветерок. Было зябко — он не успел набросить рубашку. Время его четырехчасового сна подходило к концу, и он пошел в каюту — одеться и побриться.

«Консула» завершала третий виток вокруг планеты. Диспетчер разрешила посадку. Крис сдублировал команду и опустил спинку кресла, наблюдая краем глаза, как Вера возится с последней непослушной пряжкой привязных ремней. Начался сложный маневр входа в атмосферу. «Консула» мчалась по гигантской, все круче сворачивающейся спирали.

Человеку нечего было делать в этом сложном взаимодействии механизмов. Его реакции безнадежно отставали от непрерывно меняющихся условий. Только Габровский сумел однажды посадить корабль, отключив всю автоматику. За это его чуть не лишили диплома, но выяснилось, что давал неправильные показания один из приборов системы стабилизации. Только Габровский, с его невероятной интуицией, смог почувствовать это и отключить автоматику. Только Габровский, с его феноменальной выносливостью и необыкновенной реакцией, мог так провести посадку, что даже члены экипажа, своими глазами видевшие его виртуозную работу на клавиатуре пультов, кинулись после посадки к регистрирующим приборам, чтобы еще раз убедиться, что корабль был посажен вручную. Но он сажал десантный бот, имеющий большую свободу маневра и неограниченный запас свободного хода. С машиной супертанкера не справиться было бы даже Габровскому.

Гигантская масса корабля постепенно сбавляла скорость. Плотной завесой давил на уши победный рев главных двигателей. Внезапно сквозь слитый звенящий гул прорвалась беспокойная трель аварийной сигнализации. На щитке пульсировала, заливала рубку кровавым светом сигнальная лампа.

В диспетчерской на экранах радаров уже виден был медленно опускающийся корабль. Но вдруг, одновременно с сигналом метеоритной атаки, корабль на экранах дернулся и скользнул в сторону. Полукилометровая громада закачалась в попытках сохранить равновесие.

Микрометеорит пробил обшивку. Вышел из строя один из системы двигателей. Равновесие мегатонных сил было нарушено. Лихорадочно заработали реле и транзисторы десятков автоматов. Корабль угрожающе накренился. Автоматы тотчас выправили его. Появилась новая, не предусмотренная ранее сила тяги, сносящая корабль в сторону. «Консула» боролась за свою жизнь. Все системы работали в аварийном режиме. Сбалансировать корабль не удавалось. Тогда автоматы приняли единственно верное решение — увести корабль от предательской тверди планеты. Но ослабленные двигатели на половинной тяге уже не в силах были справиться с тяготением планеты.

На космодроме взвыл и захлебнулся ревун. Из бункеров выскакивали и мчались к десантному микроботу, на ходу опуская силиконовые забрала гермошлемов, спасатели.

Корабль, тщето борясь с тяготением, уходил из зоны радарного наблюдения. Распластанные в креслах, Крис и Вера могли только следить за агонией. Высота постепенно уменьшалась. На нижнем экране была уже видна уходящая вдаль холмистая равнина. Последний раз взревели и смолкли двигатели. Удар, оглушительная тишина, потом еще удар, скрежет раздираемого металла.

— Счастье еще, что выключились двигатели... — голос Веры сломался на полуслове.

Крис промолчал. Не работали левый и центральный обзорные экраны.

Десантный микробот, не закрыв люков, рванулся с места и на максимальной скорости пошел за холмы, круто набирая высоту.

На уцелевшем правом экране «Консулы» показались языки пламени. Огненный ручеек несмело пробежал откуда-то из-под бока корабля. Крис боялся взглянуть на Веру. «Горячее!» — только и сумела выдохнуть она.

Полмиллиона тонн горючего, привезенные с Земли, достигли, наконец, Росы. Они изливались щедрой рекой на почву планеты, озаряя веселыми отблесками пламени помятый, лопнувший борт корабля. Надо было спешить. Крис и Вера вскарабкались по наклонному полу. Медленно откатилась тяжелая дверь грузового отсека. Стеллажи выдержали удар, но все, что на

них лежало, грудой обломков загромозило и без того узкий проход. Громко шипели порванные воздуховоды, жужжали за обшивкой невыключившиеся сервомоторы. Томительно текли секунды, пока уцелевшая все-таки автоматика открывала бронированный наружный люк. Что-то с грохотом обрушилось в недрах корабля. Люк отошел немного и застрял. До земли было не менее четырех метров. Крис вытолкнул Веру и выпрыгнул сам. Вскочил, рывком поставил Веру на ноги и, не выпуская ее руки, побежал прочь от корабля. В любую минуту «Консула» могла взорваться.

Десантный бот шел на форсаже, описывая широкие зигзаги — радар не успел засечь точку падения «Консулы». На космодроме в диспетчерскую входили все новые и новые люди. Все молча ждали сообщений с бота.

От «Консулы» широким раздвоенным рукавом растекалось пылающее горючее. Поминутно спотыкаясь, Крис тащил за собой выбившуюся из сил Веру на крутой склон холма. Перевалить через холм необходимо было раньше, чем огненная река обогнет его справа и слева, отрежет путь.

Вершина холма. Вниз. Бегом. Вниз. Каменистая осыпь. Вера упала. Крис проехал по осыпи еще несколько метров, вернулся. Поздно...

Два пылающих потока уже обогнули холм. Путь был отрезан. По осыпи, подпрыгивая, еще катились камешки из-под ноги Криса. Ветерком наносило удушливый горячий дым. Становилось труднее дышать.

— Будем ждать. За нами наверняка выслали десантный бот.

— Не успеют. Сейчас все взлетит на воздух, — покачала головой Вера.

Крис беспомощно огляделся. Камень и кустарник на склоне холмов. Вдали, в нескольких километрах, синела роща. Обострившееся зрение цепко хватало мельчайшие детали. Крису казалось даже, что он видит ручеек, блестящий в тени далекой рощи. Он беззвучно выругался — там они были бы в безопасности. Вернулся назад, встал во весь рост на вершине холма — надо, чтобы десантники могли заметить их издали.

«Если бы успели сбежать с холма, сейчас мы были бы на полпути к этой роще. Только бы успели десант-

ники. Габровский наверняка сумел бы найти выход из положения. Во всяком случае, уж он-то не дал бы погибнуть Вере.

Вера. Сидит молча в десятке метров ниже по склону холма. Если бы хоть ее можно было спасти!... Мерцает в зеркале, плывет неясное лицо... Пальцы вновь ощутили тепло и бархатистость кожи... «Если бы ее можно было спасти! Сидела бы вот так же в этой роще. До нее не достанет огненный язык «Консулы». Пусть бы сидела себе в роще, на берегу ручья, уткнувшись лицом в поднятые колени. Пусть бы...»

Медленно и страшно, совершенно беззвучно, выворачиваясь наружу толстенными листами титанового сплава, лопнул борт корабля, выпуская изнутри огненный вихрь.

Последняя яркая вспышка, буря мыслей и чувств пронеслась в голове стоявшего на холме лицом к кораблю, завершившего свой первый рейс Криса.

«Пусть бы сидела... В роще... Вера... В роще!.. Вера!!!»

Крис был мертв за долю секунды до того, как на холм обрушилась лавина все испепеляющего жара.

Из летящего на предельной скорости бота заметили горящий корабль. На вершине окруженного огненным кольцом холма была уже видна неподвижно стоящая человеческая фигура. Гигантский протуберанец встал над обреченным кораблем. Бот резко развернулся, чтобы не влететь в огненную карусель.

Камни на вершине холма оплавились от нестерпимого жара. Небольшая горка пепла еще хранила очертания человеческой фигуры. Собравшиеся в диспетчерской вслушивались в тяжелое молчание на борту бота. Слишком поздно...

Искать второго космонавта не имело смысла. И все же бот начал на небольшой скорости описывать концентрические круги вокруг раскаленного кратера — места, где только что лежала «Консула».

И вдруг, пролетая в нескольких километрах от места катастрофы, пилот резко бросил суденышко в крутое пикирование и мастерски посадил его на небольшой полянке. Выскочившие десантники, ко всему привыкшие, здоровенные парни, молча обступили сидящую на берегу ручья, уткнувшую лицо в поднятые колени девушку в синем летном комбинезоне.

Он никак не мог дотянуться до пульта. Ремни цепко держали его в кресле. Застежки заело, и он бился, как муха в тенетах. Он уже понял, что ни отстегнуть, ни порвать ремни не удастся, и пытался достать тумблер на пульте левой рукой — так было ближе. Десантный бот трясло и бросало, и при каждом рывке тумблер то чуть придвигался к его растопыренным пальцам, то вновь удалялся. Он перегнулся вперед так, что от ремней нечем стало дышать. В бессильном желании упереться во что-нибудь и продвинуться еще на несколько миллиметров, он заскреб ногами по гладкому полу и проснулся.

Одеяло свалилось на пол. Чуть слышно ворковал климатизатор под окном. Сквозь поляризационные стекла брезжил слабый полусвет, но Габровский знал, что за окном уже рассвело. Он полежал еще немного, освобождаясь от кошмара, затем медленно сел, упираясь руками в эластичный матрац.

— Окно! — негромко скомандовал он. Окно стало чуть прозрачнее. Сквозь него можно было рассмотреть темную массу деревьев и неясную полосу горизонта. — Окно! Окно! Окно! — нетерпеливо повторил он несколько раз. Стекло каждый раз становилось прозрачнее и, наконец, с легким стуком ушло в стену. В комнату ворвался холодный утренний ветерок. Стало зябко. Габровский обхватил плечи руками, подумал, что сна уже не будет, и босиком пошлепал в ванную — принять душ и одеться.

Когда он вернулся, кровать уже спряталась. Он улегся на диван. Там было не так удобно, но было лучше видно окно и пейзаж, открывающийся за ним. Габровский вдруг поймал себя на том, что эта комната в отеле и вид за окном, и сама эта планета не вызывают в нем никаких особенных чувств, и с тоской подумал, что стареет. Лет пять назад, впервые оказавшись на новой планете, он вел бы себя совсем иначе. Хотя нет, вел бы, пожалуй, так же, но вот чувствовал бы себя по-другому.

Не вставая с дивана, Габровский дотянулся до ручного пульта, нажал кнопку. Вспыхнул экран в стене.

Еще вечером Габровский послал на Землю запрос, ночью был принят ответ, и сейчас прокручивалась запись.

С экрана на Габровского глянуло знакомое лицо дежурного диспетчера.

— Здравствуй, Алексис! — он смотрел прямо на Габровского. — Не буду спрашивать, зачем тебе эта информация. Хочу только предупредить, что качество записей — не очень. На Росе аппаратура так себе. Да ты ведь бывал там, знаешь.

Он помахал рукой с экрана и исчез. Сразу же появились цифры — параметры последнего рейса «Консулы». Габровский перестал замечать что-либо вокруг. Он заново, вместе с Крисом и Верой, переживал разыгравшуюся три месяца назад трагедию.

В записях было все — показания телеметрических приборов, анализ метеоритной обстановки в районе планеты, фотографии места катастрофы... Документы завершились материалами комиссии по расследованию несчастного случая. Но не это сейчас интересовало Алексея Габровского.

Он еще раз бегло просмотрел запись: нигде не было ясного ответа, как спаслась Вера.

После аварии она была в глубоком шоке. Из клиники ее выпустили только спустя полтора месяца, да еще на несколько месяцев отстранили от полетов. Из записей бесед с ней было ясно только, что она не помнит, как и почему отстал от нее Крис.

Габровский тихо чертыхнулся — эти кретины из комиссии не сообразили провести простейший хронометраж. Их интересовало только то, что происходило с кораблем. А между тем, — и Габровский теперь это ясно видел — Вера просто не могла успеть добраться от корабля до рощицы, где ее нашли. Спасатели прибыли раньше, чем она успела бы добежать туда.

Алексей выключил экран и задумался. Отпуск летел ко всем чертям. Это было ясно как день. Только вчера утром он прилетел сюда, на Таврию, малообжитую планету земного типа. Устроил в номере уютный беспорядок, настрого запретил роботам заниматься уборкой в его отсутствие.

А вечером на танцах в Зоне отдыха он вдруг увидел Веру. Она выделялась из веселой, беззаботной толпы. Чувствовалась в ней какая-то напряженность.

Даже не внешне, нет. Непонятно, что именно — может быть что-то в выражении лица, в манере держаться? Это Алексей заметил еще до того, как узнал Веру. А узнав, он начал настраиваться на нее, посылая ей менто тревоги и неуверенности — то, что успел и сумел разглядеть в ней.

Он сразу увидел, что попал. Увидел, даже не получив менто-ответа. Она забеспокоилась, стала оборачиваться и высматривать его в толпе, и он спрятался за спины, и осторожно вышел, продолжая принимать ее менто — вопроса и беспокойства, тревоги и тоски. Он уже понял, что не оставит ее одну, хотя и не представлял, что сможет для нее сделать. Одно было ясно — ей надо помочь.

Ему расхотелось гулять. Он вернулся в номер, вызвал Информарий и послал запрос на Землю, в Комитет по исследованию космического пространства.

Утро было в разгаре, солнечное и теплое. В кафе он пошел пешком, и добрался до него часов в десять. В зале было пусто. Подбежал автомат, подал пластиковую карточку-меню. Половина блюд были незнакомыми. Он заказал наугад.

Вдруг ему стало не по себе. Повеяло неустроенностью и одиночеством. Вера. Она молча остановилась около столика. Габровский подвинул стул. Она села.

— Ты — Габровский,— это прозвучало не вопросом, а утверждением. Габровский кивнул. Он не удивился. Его знали многие. Она к тому же летала с Крисом. А уж Крис-то его знал лучше многих.

— Чего ты от меня хочешь? — спросила она спокойно. Слишком спокойно. Алексей промолчал.

— Ведь это ты вчера был в Зоне отдыха? — на Габровского накатилась волна тревоги и неуверенности, неуверенности и тоски — она вернула ему его вчерашнее менто. Вернула в точности. Значит, помнила все время. Только теперь он впервые разжал губы.

— Ты мне нужна,— он ответил ей грубовато-лаконично. Так надо было. Он сейчас окончательно убедился в этом. Именно грубовато и лаконично. И только по делу. Вера была вся как сжатая до отказа пружина. Чтобы она не сорвалась, нужно было дело, нужна была работа. И он готов был дать ей эту работу.

— Я всем нужна...— Вера пожала плечами.— В последнее время...

А про себя подумала: «Зато вы все мне не нужны. Жалельщики!»

Габровский смотрел на нее и сквозь нее. Ей стало зябко от этого взгляда. Неожиданно она подумала, что этот-то жалеть не станет.

Вера не могла преодолеть неприязни к нему, как ко всему прошлому Криса. Его прошлому, которое никогда не станет и ее прошлым, потому что Крис никогда не будет принадлежать ей. Потому что это прошлое предъявляет свои права на Криса. И Крис весь в прошлом. У него нет будущего. И настоящего. Потому что нет Криса...

— Быстро все съедай и выходи к фонтану. Я тебя жду. — Вернул ее к действительности голос Габровского. Он успел заказать завтрак и на нее. В голосе его проскользнула интонация, заставившая ее молча придвинуть тарелку и приняться за еду. Габровский хотел что-то еще сказать, но передумал и вышел из кафе.

До отеля, где жил Габровский, было минут сорок ходьбы, но глайдер он вызывать не стал. Пошли пешком, и она опять промолчала, хотя было жарко. Местные деревья тени почти не давали. Пешеходная дорожка была посыпана крупным песком. Он хрустел под ногами. Его хруст мешал сосредоточиться. Мысли вертелись по кругу, подчиняясь ритму шагов. Габровский за всю дорогу не проронил ни слова. Она, тоже молча, поднялась к нему в номер, быстрым взглядом окинула его — не как в обычно обезличенных номерах отелей, здесь было видно, что живут, — и опустилась на диван.

Габровский уселся в кресло, протянул руку к шкафчику доставки, набрал шифр. Через полминуты звякнул звонок. Он вынул из шкафчика бутылку и два бокала.

— Что это? — она первая нарушила молчание.

— Вино, — чуть приметная улыбка скользнула по его лицу. — Сухое виноградное вино. И не смотри так на меня. Пей. Это не неприятно, а в такую жару даже полезно.

И, видя, что она колеблется, добавил:

— Пей, не бойся.

— Но откуда здесь вино? — неуверенно беря бокал, пробормотала она.

— С Земли, судя по этикетке, — он пригубил и смотрел, как она с опаской отпила из бокала.

Пока Габровский возился у пульта, готовя запись, она пролистала инструкцию линии доставки. Шифра вина там не было. Вообще вина не было в длинном, пятьсот наименований, перечне.

Она по-новому, уже с любопытством, взглянула на Габровского. А он тем временем закончил приготовления и нетерпеливо повернулся к ней:

— Смотри. Вот аэрофотокарта района гibelл «Консулы».

Тон его был деловым. Он оказался первым, не считая комиссии по расследованию катастрофы, кто прямо и открыто заговорил об аварии. И впервые напоминание о несчастье не вызвало у нее привычного уже чувства отчаяния. Подумав об этом, она отвлеклась на минуту, и ей пришлось внимательно вслушиваться, чтобы уловить суть того, что говорил Габровский. А он продолжал все так же сухо и размеренно, как автомат:

— Таким образом, получается, что ты не могла спастись, даже если бы у вас с Крисом на пути не разлилось горючее. Корабль взорвался раньше, чем вы могли бы отбежать на безопасное расстояние. Вы должны были погибнуть. И Крис погиб. А ты осталась жива. Молчи, не перебивай. Я и так знаю, что ты не понимаешь, как это случилось. И никто не понимает. Больше того, никто даже не догадывается, что ты не должна была спастись!

Вера сидела на самом краешке дивана, готовая в любую минуту встать. Было видно, что она не понимает, к чему он клонит.

— Так вот, у меня есть кое-какие соображения по этому поводу. Их надо проверить, и ты мне поможешь.

Он не спросил Веру, хочет ли она помочь, и это понравилось ей. Габровский уже не был ей так неприятен, как вначале. И она спросила, что он собирается делать и в чем будет заключаться ее помощь. Странно, Веру совсем не обидело, что Габровский отказался полностью посвятить ее в свой замысел, а ограничился конкретным заданием.

На несколько дней Вера переселилась в номер Габровского. Где пропадал Габровский, она не знала. Вера занималась электроникой — собирала автоматику управления. Схему ей накидал Габровский. Задача была не из сложных, хотя работать приходилось со старыми блоками, целую кучу которых натащил Габровский. Это заметно мешало, но через неделю у нее все было готово. Алексей забрал схему и увез куда-то.

Еще два дня Вера изнывала от безделья. Она пыталась читать, но фильмокнижки валялись из рук. Все валялось из рук. Наконец появился Габровский, в синем форменном комбинезоне, осунувшийся и подтянутый, и коротко бросил:

— Собирайся.

Она тоже надела форму, и когда вышла к ожидавшему ее Алексею, поняла по его взгляду, что сделала именно то, что нужно. Только теперь она почувствовала, что Габровский затеял что-то серьезное. И, еще не зная, что должно произойти, она начала волноваться.

Габровский вел глайдер на предельной скорости, не глядя на пульт. Промелькнули жилые поселки. Долго тянулись поля, по которым тут и там ползали комбайны-автоматы.

Пропищал зуммер радиостанции. Габровский повернул рычажок, негромко сказал что-то.

Местность изменилась. Лесистые холмы кончились. Пошли изрытые оврагами, заросшие кустарником пространства. Тут и там мелькали плешины голой каменистой земли. «Необжитая планета», — равнодушно подумала Вера. Она уже не нервничала. Она перешагнула ту грань, за которой наступает безразличие.

Алексей бросил машину в сторону и с ходу, с разворотом, посадил. Вера успела заметить примерно в полукилометре навес. Что находилось под навесом, она не рассмотрела. Тут же она забыла об этом, потому что они вылезли из глайдера и быстро пошли. Вера спешила, чтобы не отставать от Габровского, и часто спотыкалась. Из-под ног ее, гремя, отлетали камешки.

— Сейчас будет поровнее, — бросил не оборачиваясь, Алексей. Он помнил о ней, и Вере сделалось тепло от этого. Дорога действительно стала ровнее.

Они шли еще минут пять, и Габровский резко, как делал все, остановился.

Грудой были навалены пустые ящики. Алексей вытянул из кучи два из них, поставил. На один уселся сам, на другой кивнул Вере. Она тоже опустила, готовая в любую минуту встать и идти дальше. Глаза ее машинально обежали пологий пригорок с выгоревшей на солнце красноватой землей. На ящиках в стороне стояла какая-то аппаратура. Толстый кабель от нее тянулся в сторону и спускался в овраг. На сгибах он маслянисто поблескивал. Кусты в овраге отсвечивали не привычной земной изумрудностью, по явственным на этой планете красноватым оттенком. Легкий ветерок овеивал разгоряченное при ходьбе лицо.

Габровский, глядя своим привычным, сквозь Веру, взглядом, негромко произнес:

— Все, что от тебя сейчас требуется, — это сидеть вот так и ждать. Это займет немного времени. Минут через десять все кончится. — Он неожиданно улыбнулся. — И я все тебе расскажу.

Она молча кивнула головой. Вид у нее был покорный. Совсем не тот, что десять дней назад. У Габровского неожиданно защемило сердце от жалости к ней.

— Вера... — негромко сказал он, словно сам себе. Она настороженно посмотрела в его сторону. — Вера...

Он опять улыбнулся ей:

— Вера, в смысле — «верить», пусть это будет кодовое название нашей маленькой операции. А через час мы освободимся и отправимся осматривать планету!

Он пытался растормошить ее. Она не приняла шутки. Остановившимся взглядом посмотрев на него, она беззвучно произнесла:

— Не надо говорить так... Крис так говорил...

Впервые она сама заговорила о Крисе.

Повисло напряженное молчание. Чтобы разрядить его, Габровский задвигался, шумно встал, отряхнул комбинезон.

— Пора! — решительно произнес он и пошел в сторону, туда, где на сдвинутых вместе ящиках стояла аппаратура. Вера проводила его взглядом и вновь опустила глаза вниз. Сквозь жестокую каменистую почву пробивались упрямые коричневатые травинки. Доска от ящика придавила их. Вера хотела носком ботинка

сдвинуть ее, но не успела. Внезапная дурнота на мгновение сдавила ее и тут же отпустила. Ей почудился глухой вскрик, она выпрямилась, отыскивая взглядом Габровского, и в ужасе вскочила на ноги. Ящик со стуком опрокинулся назад. Габровского не было. Не было ящиков, не было кабеля, не было оврага. Рядом отсвечивал матовый борт глайдера. Успокоительно поблескивал сдвинутый назад прозрачный колпак на нем. Все вокруг заливал беспощадный полуденный свет.

От этого света и от неживой мертвящей тишины, давящей на уши, ей стало жутко. Не помня себя, она рванулась вперед, туда, где только что проходила, спеша за широко шагавшим Алексеем. Ботинки тупо ударяли в сухую землю, временами громыхали по щебенке. Как в немом кино, покачиваясь, быстро наплывала и убегала под ноги земля. Вера на бегу отшвырнула ногой ящик и упала на колени рядом с лежащим ничком Габровским. Она не раздумывала, что нужно делать. Руки действовали автоматически. С трудом перевернув его на спину, она рванула из нагрудного кармана своего комбинезона аптечку. Доставать аптечку из комбинезона Алексея не было времени. С негромким шипением вошло из тюбика под кожу и рассосалось лекарство. На руке Алексея остался слабый припухший след от инъекции.

Уложив его поудобнее, расстегнув комбинезон, она выждала минуты полторы. Повторила инъекцию — рука сама безошибочно выбрала нужный тюбик из пакета. Безрезультатно.

Постояв минуту в нерешительности, Вера ринулась обратно к глайдеру. Проскользнула в кабину, ударившись локтем о борт и не почувствовав боли. Уверенно щелкнула клавишами набора радиокода. Рация отзывалась приглушенным гудением. Высокий мужской голос неторопливо пробился из эфира:

— Начальник космопорта Таврии слушает.

— Докладывает Вера Грей. В результате аварии погиб космопилот Алексей Габровский. Повторяю, погиб космопилот Алексей Габровский. — Вера облизала пересохшие губы и продолжала ровным безжизненным голосом: — Даю пеленг на волне тринадцать — четыре — двадцать один. Даю пеленг на волне тринадцать — четыре — двадцать один...

БЕККЕР

Первым пришел Полетыкин. Ченцов стоял у окна и не обернулся, только мотнул головой на приветствие. Полетыкин долго сопел, устраиваясь в кресле, раскладывая перед собой папку с бумагами и ручки. Ручек у него было много. Штук пять или шесть. Ченцов его не любил за эти ручки, за пристрастие к бумагам, за манеру длинно и подробно говорить.

Вошли еще несколько человек, продолжая начатый в коридоре разговор. Расселись вдоль стола. Стало шумно. Ченцов с сожалением оторвался от окна — за ним буйно гнал в рост всякую зелень май, — и уселся за просторный широкий стол. Всякие новомодные штучки вроде мебели из силовых полей он не любил и не признавал.

— Вроде все в сборе? — полувопросительно, полутвердительно обратился он к присутствующим.

— Нет Беккера и Бабаян, — тут же откликнулся Полетыкин.

— У Бабаян сегодня срочная операция, а Беккер подойдет позднее. Я думаю, не будет возражений, если мы начнем?

Главный энергетик Михейкин неопределенно хмыкнул, переглянулся с соседом. О взаимной нелюбви Ченцова и Полетыкина знали все.

— Так вот, товарищи, ближе к делу. Все слышали о гибели Габровского? Обстоятельства его гибели кажутся, и не без оснований, несколько, м — мм — м... странными. Для расследования их и создана наша комиссия.

Ченцов замолк, чуть слышно барабанил пальцами по светлой поверхности стола. Породистое его лицо, с длинной челюстью и легкими мешочками под глазами, было сумрачно.

— Вкратце обстоятельства дела я доложу сам, — он придвинул к себе папку и, не заглядывая в нее, начал: — Алексей Габровский 16 апреля подал рапорт об очередном отпуске. 18 апреля он вылетел рейсовым лайнером «Сетунь» на Таврию. Буквально со дня при-

бытия он занялся какими-то исследованиями. За неполных две недели он успел собрать установку неизвестного пока назначения. При проведении эксперимента установка взорвалась. Габровский погиб.

Ченцов оглядел присутствующих. Все слушали молча. Энергетик рисовал на клочке бумаги узоры. Полетыкин сидел, сложив руки на животе, воздев кверху сизое брптое лицо. На лице у него застыло брюзгливое выражение.

Дверь приоткрылась. В кабинет бочком вошел Беккер, крадучись пробежал к своему месту. Уселся, покивал Ченцову. Тот кивнул в ответ и продолжал:

— Странными в этом деле являются три момента. Во-первых, медики на Таврии не смогли точно установить причину смерти Габровского. Во-вторых, в эксперименте Габровского принимала участие Вера Грей, находящаяся в отпуске после аварии космотанкера «Консула». У Веры Грей медики констатировали не совсем понятный шок. И в-третьих, у Габровского взорвалась установка, которая принципиально взрываться не может. Это уже по вашей части, Михейкин.

Михейкин поднял на Ченцова зеленоватые глаза, задумчиво кивнул. Ченцов подытожил:

— Вот вкратце и вся информация, которой мы пока располагаем. Вопросы есть?

— Что подразумевается под не совсем понятным шоком у Веры Грей? — подал голос из глубины кресла Полетыкин.

— У медиков осталось такое впечатление, что Грей перенесла постороннее активное вмешательство в психику, что-то типа психодинамической операции. На вопрос, как это произошло, они пожимают плечами.

— Но она жива?

— Жива, но находится в клинике.

Полетыкин удовлетворенно кивнул. Вопросов больше не было.

— Поскольку дело не совсем обычное, я предлагаю создать рабочую группу, которая на месте проанализирует ситуацию и доведет до нас свои выводы. — Ченцов вопросительно посмотрел на собравшихся: — Возражения есть? Тогда предлагаю поименно: главный энергетик товарищ Михейкин, главный механик Полетыкин и товарищ Беккер. Замечания есть? Вопросы? Предложения?

Возражений не было. Вопросов и предложений — тоже. Ченцов закрыл заседание. Все, переговариваясь, потянулись в коридор. В кабинете осталась только рабочая группа. Ченцов сидел, глядя в стол перед собой. В полировке отражались лежащие на столе его руки. Солнце высветило золотистые волосы на пальцах. В его боковом свете мешки под глазами Ченцова стали заметнее. Не поднимая головы, он медленно произнес:

— Для вашего сведения — Вера Грей после аварии танкера на Росе получила такой же шок, как сейчас. Между прочим, там тоже погиб только один космонавт — Крис Ионин. Грей осталась жива. Возможно, это просто совпадение, а возможно... — он поднял голову и в упор глянул на сидевших перед ним людей. — Для этого в состав группы и включен товарищ Беккер.

Беккер шевельнулся в кресле, хотел кивнуть, но передумал.

Ченцов говорил все также медленно и негромко. Несмотря на это, его голосу было тесно в кабинете, он отскакивал от стен и глухо рокотал по полу.

— Во всяком случае, от вас требуется предельное внимание и осторожность. И никаких экспериментов. Слышите, никаких!

Он тяжело взглянул на Михейкина. Тот смотрел на Ченцова, как будто речь шла не о нем. Глаза его были круглыми и наивными, и Ченцов подумал: «Все равно ведь не удержится!» А вслух пророкотал:

— Только попробуй заняться самостоятельностью — голову сниму! — И уже другим тоном добавил: — Вылетите на Таврию спецрейсом через... — он взглянул на часы, — десять часов. Корабль останется в вашем распоряжении. Информацию жду каждые сутки, в восемнадцать часов по среднегалактическому времени. Ответственный за информацию — Михейкин. Он же — руководитель группы. Всего хорошего.

Он встал, медленно и внушительно вытянувшись во весь свой рост. Спецгруппа ушла, озабоченная и неразговорчивая.

Ченцов постоял у окна, подумал, закурил сигарету и вернулся к столу. Вздохнув, нажал кнопку селектора и негромко, сдерживая голос, спросил кого-то:

— Ты куда девал новые генераторы?

Из селектора торопливо начали что-то объяснять. Ченцов не дослушал и вновь спросил:

— Я тебя еще раз спрашиваю: где генераторы?

За день Ченцов несколько раз вспоминал о Габровском и о его гибели, но каждый раз заставлял себя не думать об этом. Рано было об этом думать. Все, что нужно было сделать, он сделал, и сейчас осталось одно — ждать.

Корабль шел до Таврии сорок часов. Предусмотрительный Полетыкин захватил с собой все, какие успел найти, материалы по делу о гибели Габровского. Их оказалось немного. Материалы просмотрели несколько раз. Михейкин с Беккером отмалчивались. Полетыкину хотелось устроить обсуждение имеющихся данных, но он тоже был вынужден помалкивать.

На Таврии их встретил начальник космопорта. Беккер отвел его в сторону, что-то сказал с обычным своим извиняющимся видом. Их устроили в коттедж-изолятор. Изолятор пустовал. Пилоты вообще редко попадают в изолятор. Домик стоял на отшибе, и Михейкин подумал, что это к лучшему — спокойнее будет работать.

Михейкин стоял на веранде, прислонившись к деревянному поддерживающему крышу столбику. На Земле из дерева не строили давным-давно, и сейчас немного странно было жить в деревянном доме.

Половицы на веранде рассохлись от жары и тихо вздыхали под ногами. Беккер подошел под аккомпанемент своих шагов и шепот листвы. Остановился рядом, посмотрел вдаль. Закат отбрасывал на небо непривычный синеватый отсвет.

— В каком Управлении ты работаешь? — негромко спросил Михейкин.

Беккер ответил не сразу. Его щуплая фигура потерялась в надвигающихся сумерках. Небо не успело еще совсем погаснуть, и слабый свет ложился сверху на кусты в саду. Одурающе пахли в крадущемся понизу полумраке неведомые цветы. На веранде стало совсем темно, и Михейкин только по голосу понял, что Беккер стоит на том же месте, что и несколько минут назад.

— В Управлении общественной психологии.

— Психология общества и коллектива? — Михейкин невольно приглушал голос. На веранде было тепло и уютно, возникло ощущение укрытости и покоя.

Беккер тоже поддался этому настроению. Голос его

был едва различим, и если бы не первозданная тишина вокруг, Михейкин бы не расслышал его слов.

— Скорее наоборот, антиобщественная психология. Отклонение от нормы...

— А бывает и такое? — заинтересовался Михейкин.

— То, что раньше называлось преступлениями. Из одиннадцати миллиардов людей на Земле и в колониях неизбежно выпадает какая-то стотысячная доля процента с отклонениями от нормы. И случается всякое. Редко, один-два случая в год, но случается. Бывают даже и убийства. И наша задача — найти убийцу.

— И что же с ним делают?

— Как всегда в таких случаях — психодинамическая операция. Подавление комплекса агрессивности, с сохранением профессиональных навыков, памяти и привычек. Вообще всего, что формирует личность. Приглушаются только воспоминания о совершенном преступлении, чтобы оградить психику от нарушения чрезмерным раскаянием.

— Разве раскаяние может быть чрезмерным? — пробормотал Михейкин.

Беккер услышал и ответил:

— Да, если совершивший антиобщественный поступок человек прошел глубокий психодинамический зондаж. Невозможность совершить в будущем что-либо подобное вступает в конфликт с живым воспоминанием об уже совершенном. Психика, даже здоровая, этого не выдерживает. А ведь мы имеем дело с больными людьми!

— Больными? — насмешливо переспросил Михейкин.

— А разве здоровый человек может совершить преступление? — парировал Беккер. Чувствовалось, что этот разговор ему неприятен, но он решил довести его до конца, чтобы у собеседника не осталось больше вопросов. Михейкин тоже почувствовал это, но продолжал спрашивать:

— Почему же об этом никто не знает?

— Знают. Медики, например, знают. Знают о психодинамических операциях, могут распознать следы такой операции. Кроме того, — Беккер усмехнулся в темноте, — никто ничего специально не скрывает. Ты придаешь этому слишком большое значение: серьезные преступления крайне редки. Последнее произош-

ло два года назад. Предпоследнее — семь лет назад. Согласись, что нет смысла заострять внимание всего человечества на столь нетипичных нарушениях общественного здоровья. Так что и говорить об этом не стоит.

«Тем более не стоит говорить о том, что происходит вмешательство в психику нарушителей», — неприятно подумал Михейкин.

Беккер засмеялся:

— Тем более, что происходит вмешательство в психику нарушителей.

Михейкин промолчал, подумав: «Почти слово в слово — мои мысли».

— Слово в слово — твои мысли, — Беккер откровенно смеялся, но в голосе его слышался оттенок горечи, и Михейкин вновь смолчал, а Беккер продолжал уже без смеха:

— Для любого человека характерна именно такая реакция. А в ней тоже одна из причин, почему об этом не распространяются.

Он был прав, Михейкин понял это. Но мысль о том, что над кем-то без его согласия совершается операция, пусть даже в интересах общества и не приносящая вреда нарушителю порядка, была неприятна. Неприятна, хотя умом он понимал, конечно, необходимость защиты от безумцев, которые могут совершить преступление ради своих личных целей. Умом он понимал, но не сердцем. А сердцем — он вдруг посочувствовал Беккеру. Как должно быть неприятно все это ему, ведь он сталкивался с этим постоянно.

Неожиданно он задал вопрос:

— Ты стесняешься своей работы?

Беккер натянуто засмеялся:

— Это тебе, а не мне надо быть психологом!

Разговор оборвался. Повисла неловкая тишина. Потом послышались грузные шаги. На веранду вышел Полетыкин. Постоял, привыкая к темноте, так и не привык, и брюзгливо сказал, не видя собеседников.

— Между прочим, завтра на семь утра назначено совещание. Это вам не мировые проблемы при луне решать. Работать надо будет. На свежую голову, выпавшуюся.

Он монументально постоял в дверях, внушительно помолчал и ушел в дом. Спать.

Он не был старшим в рабочей группе. Старшим был Михейкин. Но Полетыкин забыл об этом. И Михейкин тоже забыл: монументальность Полетыкина подавляла и внушала уважение. Беккер, видимо, тоже забыл, потому что ушел тут же, вслед за Михейкиным.

Они лежали, каждый в своей комнате. За окнами густой тьмой повисла безлунная ночь, с чужими запахами и неземным небом.

Полетыкин спал крепко, как спят люди со спокойной совестью и хорошим здоровьем. Он лежал на спине, вытянув поверх одеяла загорелые волосатые руки. Лицо его во сне размякло, и не было больше величественным. Михейкин, если бы не спал, и увидел Полетыкина таким, не узнал бы его.

Позже всех в эту ночь уснул Беккер. Уже засыпая, он думал о Михейкине, и мысленно говорил ему: «Это хорошо, что ты думаешь, что я стыжусь своей работы. Хорошо, что ты не знаешь, что дело не в этом, а в том, что я свою работу всегда стараюсь делать на совесть, нравится она мне или не нравится. Может быть, в этом-то и заключается ее смысл — чтобы никому не приходилось о ней думать...»

Кровать под ним качнулась и полетела куда-то. Уже совсем проваливаясь в сон, Беккер вспомнил неприязнь, которая сквозила в тоне Михейкина, и засмеялся, подумав, что это благодаря ему, Беккеру, и еще десятку таких же работников Управления общественной психологии, Михейкин и еще одиннадцать миллиардов михейкиных не сталкиваются с тем, с чем приходится сталкиваться Беккеру.

«Это хорошо, что ты такой ершистый. Значит, не напрасно я работаю», — успел еще подумать Беккер и уснул. И улыбка так и осталась на его худом лице, едва различимом в слабом отблеске начинающего голубеть неба.

Глава четвертая

«ПРЕКРАТИТЕ ЭТИ ШТУЧКИ...»

Полетыкин, хотя и был брюзгой и занудой, оказался превосходным работником. Беккер с Михейкиным только диву давались, столько он успел сделать.

На совещаниях Полетыкин громогласно возмущался поведением Габровского. Он не мог бы объяснить, что его так раздражало. А Беккеру было ясно, что причина — в неодинаковости Алексея. Именно это и выводило из себя пунктуального Полетыкина. Габровский всегда был разным, с разными людьми и в разных обстоятельствах. Он был разным, оставаясь самим собой. Это было трудно, если делать это специально, но Габровский был таким сам по себе. И Беккер проникся к нему уважением.

Работа группы подошла к концу. К возмущению Полетыкина, Михейкин, вместо того, чтобы подвести черту и вылететь с полученными материалами на Землю, заперся вдруг на Вычислительном центре Таврии.

Беккер не разделял негодования Полетыкина. У него были свои заботы. Он довольно скоро получил перечень запросов, направленных Габровским на Землю. Это были странные запросы. Габровскому нужны были все последние статьи по психоматематике и новейшие работы по физике пространства.

В психоматематике Беккер разбирался не хуже Габровского, статьи эти читал еще на Земле. Физику пространства ему было все равно не осилить, но вот личные вещи Алексея он осматривал со всем тщанием, какое только было возможно. Несколько фильмоки — современная повесть в стихах, фантастика, опять фантастика. Исторический роман (середина двадцатого века), опять современная книга... Музыкальные записи — хорошо хоть они что-то добавили к облику Габровского, каким Беккер его себе представлял. Музыка, песни в новейших джей-ритмах...

К удивлению Беккера, оказалось, что Габровский и сам писал музыку. Оказалось, что боевик «Босиком по росе», который года два назад пела вся Система, написан именно Габровским. Как, впрочем, и целый ряд других, хотя и менее известных, песенок.

По некоторым размышлениям Беккер пришел к выводу, что в самом этом факте нет ничего удивительного. Времени у космолетчиков хватает, вахты тянутся долго, и многие «космачи» занимаются чем угодно, от живописи до математики. И вполне, кстати, профессионально. Но то, что Габровский подписывал свои произведения псевдонимом, заставило было Беккера задуматься. Ненадолго правда, — и в этом не было кри-

минала. Не остановило бы это внимания Беккера, если бы Габровский был жив. Но он был мертв, и Беккер читал его книги, слушал написанную им музыку и думал.

Словом, информации у Беккера было достаточно. С другой стороны, ее было достаточно мало для того, чтобы оставить простор для фантазии. Фантазировать Беккер не любил, и в этом был солидарен с Полетыкиным.

Беккер и Полетыкин сидели в холле своего домика-изолятора и лениво следили, как два маленьких робота-уборщика проворно бегают по гладкому блестящему полу. Беккеру стало жалко их, и он бросил им скомканную бумажку. Они бросились к ней, один успел раньше и тут же втянул ее в себя. Второй разочарованно покрутился рядом и вернулся на свой участок пола — собирать невидимую глазом пыль.

— Хорошая планета, только пустая какая-то, — прервал затянувшееся молчание Беккер. Вчера он проник в здание Вычислительного центра, побродил там с полчаса и вынес оттуда твердое убеждение, что события близятся к развязке. Если Михейкину не мешать, то не сегодня-завтра он сам выйдет к ним, и все объяснит. А ему есть что объяснить — Беккер был в этом уверен. У него на это было чутье. Оно его никогда не обманывало.

— Пустая, говорите? — откликнулся Полетыкин. — Это хорошо, что пустая. Не хотел бы я сейчас оказаться не на пустой планете. На Пандоре, например.

Он зябко передернул плечами. На Пандоре был рай для биологов и для охотников-любителей. Охотники-профессионалы относились к ней как к тяжелой планете, трудной для работы. Человеку, незаинтересованному в ней, Пандора казалась адом. Беккер бывал на ней несколько лет назад, и теперь тоже поежился.

— Вообще, по-моему, всего лучше человеку на Земле. Изначальная, так сказать, среда, — вздохнул Полетыкин, и Беккер тут же подал ему реплику:

— А как относился к Земле Габровский?

Он знал — как, но ему нужно было отвлечь Полетыкина на себя. Блокировать его, хотя бы до вечера. Иначе Полетыкин, который выполнил свою часть работы, и который считал, что работа Михейкина тоже за-

кончена, отправился бы на Вычислительный центр. Полетыкина задержать никто бы не сумел. Он провалился бы к Михейкину и объявил ему, что работа группы закончена и пора вылетать на Землю. А если Михейкину так не терпится поработать еще, то он, Полетыкин, подарит ему превосходный карманный калькулятор на молекулярных схемах. Михейкина, конечно, от работы не оторвать даже Полетыкину, но тот таинственный процесс, именуемый творчеством, на который Беккер считал себя неспособным, и который искренне почитал в других, получил бы досадную помеху. И еще неизвестно, не уйдут ли потом годы на то, что Михейкин может закончить сейчас за считанные часы.

Так думал Беккер и обрекал себя поэтому на выслушивание сентенций Полетыкина. И, чтобы сделать это занятие более или менее сносным, переводил разговор туда, где Полетыкин не был по-обычному нуден.

Поэтому он пропустил мимо ушей высказывания Полетыкина относительно Земли и Габровского и подкинул ему очередной вопрос:

— А как вы считаете, почему Габровский так долго провозился с этой установкой?

Полетыкин даже задохнулся от возмущения:

— Вы это называете долго? Да будь Габровский жив, я бы обязательно перетянул его из пилотов к себе, в свою службу! Я не знаю, что должна была делать эта установка, но я знаю, из чего он ее собирал, и я вам прямо скажу — даже я не укомплектовал бы ее быстрее, чем он. Вы подумайте только, он достал два генератора поля Фролова! Если вы спросите здесь, на космодроме, вам скажут, что их нет, и не присылали уже лет пять. И мне так скажут. И Габровскому так сказали. А он нашел эти генераторы и вырвал их у руководства порта! А блоки управления, а энергетическая установка? А сборка и монтаж? Ведь он все делал сам, ему помогала только Грей. Кстати, вы ведь сами рассказывали, что, по словам Грей, он каким-то образом нашел здесь, на Таврии, вино!

— Ну это-то как раз и не сложно, — усмехнулся Беккер. В ответ на недоверчивый взгляд Полетыкина, он повернулся к шкафчику линии доставки и набрал шифр. — А вы вино когда-нибудь пили?

— Раза три или четыре, — неуверенно ответил По-

летькин, — точно не помню. Но ведь вино давно уже вычеркнуто медиками из списка разрешенных к применению продуктов?

— Совершенно верно. И тем не менее — посмотрите, — Беккер открыл дверцу коротко прозвеневшего шкафчика и достал оттуда бутылку.

— Сухое виноградное вино, — продолжал он. — Вредны большие и часто повторяющиеся дозы. А в малых количествах это — тонизирующий напиток, снимающий нервное напряжение и депрессию. Если вы его будете употреблять не чаще одного-двух раз в год, ни один медик не станет к вам придирааться.

Он наполнил бокалы, и они враз запотели. Полетыкин недоверчиво посмотрел на свой бокал, но отпил. Беккер продолжал:

— Это, знаете ли, очень показательно, что Габровский мог получить вино. Я могу это сделать, а вы — нет. Это еще раз говорит о том, что Габровский был очень общительным человеком. Веселым, жизнерадостным парнем, знающим и умеющим уйму вещей, которых не знают и не умеют многие из нас.

— Но ведь здесь все утверждают, что он был настоящий нелюдим, — возразил Полетыкин.

— Вот в этом-то все и дело. Значит, он был настолько увлечен одной мыслью, что перестал замечать окружающее. И установку он собрал для проверки своей идеи. И проверил ее. Как сумел...

— Установка же не сработала! — Полетыкин растерял всю свою солидность. Беккеру это удавалось — увлечь человека разговором так, чтобы он забыл все постороннее.

— Как знать... — Беккер говорил тихо, чуть слышно, и Полетыкин подался вперед, чтобы не пропустить ни одного слова. — Может быть, она сработала очень хорошо...

— Но Габровский умер!

— А от чего? — раздельно спросил Беккер.

— Не знаю... — Полетыкин растерялся, — и никто не знает, даже медики...

— А что они написали в своем заключении, вы помните? У них осталось такое впечатление, что Габровского словно выключили. Выключили разом, как выключают автомат. Все жизненные процессы остановились одновременно, и запустить их вновь не уда-

лось. Не является ли это побочным действием установки?

— Что же тогда является ее основным действием?

— Я могу только предполагать,— пожал плечами Беккер,— но думаю, что скоро мы с вами узнаем это совершенно точно. Сегодня у нас с вами будет много неожиданностей.

Как бы в подтверждение его слов, глухо пропел сигнал вызова.

— Да, включайтесь! — крикнул, не вставая, Полетыкин. Где-то в стене сработал звуковой автомат. С тихим щелчком включился телефон. На экране появилось озабоченное лицо начальника космопорта.

— К нам летит Ченцов. Будет здесь через шесть часов. Если вы хотите встретить его у корабля, прошу через пять часов подойти в диспетчерскую космопорта.— Он помедлил, глядя на них, хотел что-то добавить, но передумал и выключил телефон.

Его спокойной жизни пришел конец. Вместо обычного рейсового — раз в четыре месяца,— корабля, он принимает уже второй спецрейс. И на этот раз — заместителя начальника Управления. Начальник космопорта вздохнул, надел форменную фуражку и почти бегом направился к эксплуатационникам. Хотя там у них и порядок, но самому все проверить перед прибытием начальства не помешает.

Полетыкин натянул тесную форму и отправился на космодром. Делать ему там было нечего, но оставаться в стороне от события он не мог.

Беккер сидел в опустевшем домике. Чуть слышно гудел кондиционер, волнами гоня по полу пряный прохладный воздух. Деревья затеняли окна. Хотя их листья имели красноватый оттенок, полумрак в холле казался, как и на Земле, зеленым. Слабый ветерок играл листьями, и хлопотливые солнечные зайчики бесшумно перебегали с места на место.

Беккер задумчиво нажал кнопку вызова сети обслуживания. Дождавшись ответа, он заказал глайдер. Еще несколько минут он провел в кресле, улыбаясь своим мыслям, а потом резко встал и вышел на крыльцо. В глаза ему ударил яркий солнечный свет. Прикрываясь ладонью, он неуклюже забрался в глайдер и скомандовал: «Фильтр!» Прозрачная крыша машины потемнела. Удовлетворенно вздохнув, Беккер тронул

клавиши пульта управления. Глайдер рывком снялся с места и заскользил по белой бетонной полосе шоссе.

Главный врач встретил Беккера неприветливо. Беккер опять про себя удивился, как это он ухитряется быть загруженным работой. Колонисты болеют редко, приезжих на Таврии мало, а персонал больницы вышколен и превосходно знает свое дело. Тихо, извиняющимся тоном изложил он ему свою просьбу. Чеканные складки на лице главврача окаменели. Сухо он объявил, что больную Грей отпустить не может, поскольку до завершения курса лечения всяческие физические, а тем более эмоциональные нагрузки ей противопоказаны.

Лицо Беккера стало совсем унылым. Он упрямо настаивал на своем. Главврач сурово отвечал ему рублеными фразами. Чем тише был голос Беккера, тем громче и увереннее отвечал ему собеседник. А через четверть часа сотрудники больницы могли видеть, как из кабинета бочком выскользнул посетитель, робко кивнув головой несокрушимо стоящему — руки в бедра — в дверях главному. Главный торжественно исчез у себя в кабинете, а робкий посетитель, поблуждав по коридорам, нашел больную Грей, повел ее переодеваться и увез куда-то в ожидавшем на солнцепеке глайдере. Их не останавливали: главврач сердито буркнул по селектору, чтобы больную Грей отпустили до конца дня.

Глайдер шел медленно. В кабине было тихо. Изредка на чуть притемненную крышу наплывала тень одиноко стоящего у дороги дерева. Вера сидела, глядя в затылок маленькому, еще не старому, но очень усталому на вид человеку.

— Как долго меня здесь продержат?

— Теперь уже недолго, — обернувшись, улыбнулся Беккер. — Ведь вы практически здоровы.

И добавил:

— Они просто не знают, чем вас лечить.

Вера скептически усмехнулась: десятки процедур, различные препараты — значит, знают, чем лечить.

Сидевший впереди человек словно затылком увидел ее усмешку:

— У вас был шок, с которым они справились в первые дни. А держат вас в больнице потому, что не могут установить его причину.

— Боятся повторения?

— Да. Ведь у вас этот шок вторично. Но сегодня все разъяснится. — Он не стал уточнять, что пока не знает — как.

— Вы все знаете? — она сделала ударение на слове «все». В голосе ее прозвучала ирония, и Беккер порадовался этому. Когда он впервые увидел ее, она была придавлена антишоковыми препаратами и разговаривала как во сне. Но ответил он спокойно:

— Я предполагаю. Больше того — я уверен.

— А я думала, вы опять будете меня расспрашивать. Меня все расспрашивают!

Беккер промолчал. Она не напрасно была такой колючей. Действительно, ее все расспрашивали. Беккер держался позади остальных на той, первой беседе. Может быть, поэтому он сквозь сонное оцепенение, навязанное ей лекарствами, разглядел боль и испуг. Ему стало жаль Веру, на которую свалилось и так слишком многое. Она подверглась массивированному психовоздействию. В этом у него не было сомнений. В этом он разбирался по долгу службы. Но также по долгу службы он знал, что психовоздействия быть не могло: ни на Росе, ни на Таврии нет и не могло быть необходимого для этого оборудования. Оставалась еще возможность случайного воздействия полей, но такой возможности никто никогда в расчет не брал — очень уж мала вероятность резонанса внешнего поля с полем мозга.

В этом и заключалась загадка, за разгадкой которой они ехали на космодром.

Времени оставалось еще много. Беккер остановил глайдер на обочине трассы и вышел. Вера не сразу последовала за ним. Пробравшись сквозь придорожные кусты, она обнаружила Беккера сидящим на берегу крохотной речушки. Не речушки — ручейка, разбрасывавшего солнечные отражения от своих тонко журчащих на перекате струй. От воды тянуло запахом сырости и лета. Ветерок запутался в обступивших полянку деревьях. После шума движения было тихо до звона в ушах. У Веры перехватило вдруг горло и она откашлялась, не в силах проглотить подкатившийся к горлу комок. «Боже, как хорошо!» — не своими, вычитанными где-то словами подумала она. Внутри нее словно отпустили туго закрученную пружину, и

она чувствовала облегчение и печаль. Печаль — понимая, что все позади, и зная, что позади осталась часть ее жизни, и что сама она стала иной...

От внезапно нахлынувшего чувства благодарности к солнцу, к реке, к этому человеку, который привез ее сюда, Вере захотелось рассказать ему о том, что в ней происходит. Но он поднялся и вошел в воду, разбивая башмаками плававшие в ней отражения на тысячи осколков. Вода обтекала его башмаки. Он зачерпнул горстью и напился. Фигура его не казалась теперь ни маленькой, ни робкой. Когда он вышел из ручья, капли воды еще блестели на его губах и подбородке. Вера вдруг устыдилась своего порыва и почти неприязненно смотрела на него. Он, как будто не заметив ее взгляда, деловито посмотрел на часы и заторопился. Хотя Вера уже передумала и не хотела ничего ему говорить, но теперь вдруг почувствовала себя обиженной. К глайдеру они вышли молча.

Корабль садился на ионной тяге. Пронзительный вой перекрывал все звуки на много километров вокруг. В бункере у всех заложило уши. На экране был виден медленно опускающийся на столбе пламени цилиндр корабля. До поверхности остались сотни метров. Экран заволгло клубами поднятой выхлопом пыли. Сквозь пыль проглядывала кинжальная ярость огня. Наконец корабль коснулся Таврии. Двигатели смолкли и наступила тишина, оглушительная не меньше, чем их грохот. Встречающие не торопились из бункера. Раздалось громкое шипение, слышное даже здесь, под землей. Вновь заклубилась начавшая было оседать пыль — шла продувка двигателей.

Лифт вынес всех на поверхность. Самоходные платформы побежали по ровной, как стол, земле. Подкатив к кораблю, они остановились. Все сошли на землю. Опаленная тепловым ударом, она была подметена струей газов и выглядела асфальтовой. Потрескивала, остывая, броня корабля. Переговаривались вполголоса. Впереди всех стоял Полетыкин. Выглядел он внушительно. Куда более внушительно, чем начальник космопорта. Вера и Беккер стояли в стороне. Вера не понимала, зачем они здесь. Беккер ей не объяснил. Он и сам толком не знал — зачем.

С характерным хлопком отошла и сдвинулась в сторону крышка люка. Пополз вниз подъемник.

На землю Таврии ступил Ченцов и с ним еще двое. Начальник космопорта сделал несколько шагов вперед и начал уставной доклад. Было видно, что делать это ему приходится не часто. Ченцов, не дослушав, махнул рукой. Его массивная, чуть сутулая фигура не терялась даже рядом с громадой корабля.

— Так... — негромко произнес он. — А где же Михейкин?

В тишине был ясно различим шелест ветра, с разгона натывавшегося на корпус корабля. Ответить Ченцову никто не успел — внезапно, как чертик из коробочки, чуть в стороне от основной группы людей, появилась длинная сухоощавая фигура Михейкина. Именно возникла, из ничего. Из пустоты. Все были настолько ошеломлены, что молча переводили взгляд с него на Ченцова и обратно.

Ченцов в упор разглядывал невинное веснушчатое лицо Михейкина. Мешки под глазами Ченцова выступили яснее, чем обычно. Нижняя губа была презрительно оттопырена.

— Так... — снова протянул он. — Экспериментами, значит...

Он не договорил. Его прервал возмущенный выкрик Полетыкина:

— Прекратите эти штучки! Вы же только что были в Вычислительном центре! Я же с вами только что разговаривал по телефону!

Глава пятая

ГЛАВНАЯ ЦЕЛЬ

Стенограмма доклада А. О. Беккера начальнику Управления Общественной психологии И. Боучеку.

«Здравствуй, здравствуй! Включи-ка запись, а то ты потом от меня еще и докладную записку потребуешь. Включено? Ну и отлично.

Послушай, Иржи, не смотри на меня так! Я тебя сейчас все равно не боюсь. Устал я сейчас. И подробностей не жди. Возьми мои доклады о Таврии, там все подробности есть.

Неясно? Мне тоже было неясно. Да и сейчас не совсем...

Короче говоря, растерялся я на Таврии. По нашей с тобой части там было все в порядке. Девчущка эта, Грей, сама оказалась потерпевшей. От кого? От законов природы.

Если ты меня перебивать будешь, я тебе вообще ничего не расскажу.

Ну так вот, никакого злого умысла я не обнаружил. Но несообразности-то остались! И комиссия продолжала работать — Полетыкин с Михейкиным. Они пока своими делами занимались, а я все факты раскладывал и местами менял. По принципу — чем бредовее, тем лучше. И самым бредовым мне показалось, что все трое — и Крис Ионин, и Вера Грей, и Габровский — были превосходными менто-индукторами. Ты ведь знаешь, Иржи, я сам неплохой индуктор, но рядом с Грей я просто терялся. Девчонка больна, ее напичкивают успокаивающими и снотворными, а я от ее ментосигналов глохну! Причем дает не только эмоции, но и образы. Я как слепой котенок, вижу свет, но не разберу, что в нем.

И Габровский мне понравился. Интересный человек. Нестандартный. Нет, конечно, все мы нестандартные... Но я, понимаешь, ходил везде, где он бывал, смотрел на все, что он видел, и пытался понять, что ему было нужно. Что он во всем этом видел, как видел...

Не могу я яснее объяснить. Мне это самому неясно, что я искал. Скорее всего — необычность. Подтверждение необычности Габровского. Понимаешь, он все не так, как мы, видел. По-другому. Не больше нас, и не лучше, а — по-другому. Веришь ли, Иржи, я и сам уже в обычных вещах что-то необычное видеть начал...

Ну вот, я и подкинул Михейкину идею — сильные менто-индукторы в катастрофической ситуации. Причем я ему с ног на голову все поставил — из-за того все случилось, что они индукторы сильные. Оттого и погибли.

Самое удивительное во всем этом то, что я угадал. Михейкин на меня теперь со страхом и почтением смотрит.

Как — по порядку? Я и так — по порядку! Основ-

ное-то я уже рассказал. Накидал я Михейкину вопросов, причем сам не понимал — каких. А он в них вцепился и решил эту задачку.

Дай закурить, Иржи! Невкусно одному курить. И вообще ничего хорошего в этом нет. Хорошо еще что никотина в сигаретах нет, не то что раньше...

Так я же и рассказываю! Все уже рассказал!

Михейкин догадался, что при взрыве генераторов поля Фролова происходит непосредственное взаимодействие их поля с психодинамическим полем мозга. Причем мозг может управлять этим полем.

Ты меня не расспрашивай, я и сам не понимаю — как. Важен результат — происходит пробой пространства. Направленный.

Вот так Крис и погиб: в момент взрыва он подумал о спасении Грей. Он и спас ее, перебросил сквозь пространство. А сам погиб — напряженность поля оказалась слишком большой. Габровский понял в чем дело и смоделировал ситуацию. Слишком точно смоделировал. Веру он перебросил. А напряженность поля опять оказалась большой, и его мозг не выдержал.

Михейкин говорит, что основное было — догадаться. Остальное — только математика. Он сумел рассчитать генераторы и даже изготовить их. И удивить Ченцова, появившись перед ним на космодроме: время прибытия Ченцова я ему сообщил.

Да ты не понял, все это действует не так, как на космических кораблях. Не нужны системы управления, а они-то и занимают на кораблях две трети места. Все просто — генератор в кармане. Нажал кнопку, подумал, куда тебе нужно, и перенесся. Или переправил любой предмет. Просто, как управление от биотоков.

А если ты мне не веришь, я к тебе Михейкина попрошу зайти, пусть тебе всю математику изложит!

Только вот Управление на эти генераторы запрет наложило. Сразу же. Ченцов на заседании страшный ор устроил. Аж ногами топал — опасны, мол, они на Земле. Всегда, мол, с ними рискуешь попасть в тот кусок пространства, который кем-то или чем-то занят. Представляешь, Иржи? Сплав Беккера и железобетона... Да и радиус действия у них ограничен, связано что-то с гравитационным полем планеты.

Но применение им все-же нашли — будут встраи-

вать в комбинезоны космонавтов, на случай аварийной ситуации при посадке.

А все же жаль, что их в широкое применение не допустили, правда? Ну-ну, не ворчи, мне тоже жаль...»

Иржи Боучек сидел в пустом кабинете, глядя на стул, с которого только что исчез Беккер. Исчез разом, точно его и не было. «Ну, конечно, разве он мог не выпросить у Михейкина образец генератора!» — с усмешкой подумал Боучек.

Он знал Беккера. Знал его способность увлекаться, его деловую хватку, которой так не соответствовали его растерянноробкий вид и суетливость.

Боучек знал его предельную собранность, которая появлялась всякий раз, когда речь заходила о работе, которую Беккер иногда ругал, но которую не променял бы ни на какую другую.

Он вспоминал только что сказанные Беккером слова:

— Ты понимаешь, Иржи, она так была убита всем на нее свалившимся, что я оказался бы последней скотиной, если бы не постарался до конца разобраться в этой истории. Ведь она-то в смерти и Криса, и Габровского винила себя! Безо всякой логики, без оснований, но винила. Это превратилось для нее в какое-то заклятье.

Боучек встал и подошел к окну. С высоты самого большого в Москве здания он смотрел на море крыш, простирающееся до самого горизонта, на свежую зелень парковых зон, разрезающих это море бесчисленными островками, и думал о Беккере и о Вере Грей, с которой тот сумел снять давившую ее тяжесть.

А еще он думал, что стареет и что можно спокойно уходить с работы, поскольку Беккер в Управлении не один. Это разные люди, не похожие друг на друга, но все они видят в своей работе главную цель — помочь попавшему в беду человеку.

ЭПИЛОГ

Вера сидела перед пультом и лениво думала, что со стороны, наверное, их «Урал» представляет собой внушительное зрелище — полукилометровая машина

с призрачным сиянием выхлопа плазменных двигателей. Как все космолетчики, она никогда не видела космических кораблей со стороны. Ведь не считать же за зрелище летящего корабля раскалывающий все вокруг своим грохотом момент старта! А фильмов, в которых показывают космические корабли, космолетчики обычно не смотрят: слишком коротки дни, проводимые на Земле, и всегда не до фильмов, в которых — она разделяла общее для всех «космачей» пренебрежительное к таким фильмам отношение, — все выдуманно.

Роса уже появилась на экранах, и Вера подумала, что, несмотря на прошедшие десять лет, все случившееся еще слишком живо в памяти, и поэтому, наверное, в голову приходит все, что угодно, кроме деловых мыслей о рейсе.

В соседнем кресле, пристально глядя на приборы, напряженно сидел Василий, второй пилот. Для него этот рейс был первым после училища. Он молчал, не лез с расспросами, и Вера невесело усмехнулась — наслушался уже разговоров, боится разбередить прошлое.

По роду службы космолетчики составляют обособленный план. Этому способствует и их сравнительная немногочисленность — все друг друга знают чуть ли не в лицо, — и жизнь в постоянных разъездах. Журналисты обычно пишут — «жизнь, исполненная опасностей». И, как всегда, преувеличивают, какие уж в наше время опасности! Разве что у разведчиков, но на то они и разведчики. Впрочем, Василий по-видимому, еще живет школьными представлениями о романтике профессии, ожиданием риска и готовностью к подвигу. Может быть, поэтому он и молчит, упершись взглядом в экраны, а не потому, что проявляет деликатность, боясь ее о чем-нибудь расспрашивать. Скорее всего, так оно и есть. А боязнь расспросов — это ее запоздалые страхи, выплывшая вдруг память о давно прошедшем.

Вера покосилась на соседнее кресло — Василий был сосредоточен, и Вера с запоздалым раскаянием за свои мысли подумала, что несправедлива к нему: парень толковый и старательный, и не его вина, что начинать службу ему пришлось под командой старой истеричной бабы.

К себе она тоже была несправедлива, вовсе она не была истеричной, не была старой и уж никак не была «бабой». Об этом она знала, это несколько раз промелькнуло в глазах Василия — мальчишка не умел еще скрывать свои мысли, хотя научился уже разбираться в женской красоте.

Но ей нравилось так думать, нравилось мысленно называть своего второго пилота «мальчишкой». Это почти неосознанное кокетство заставляло ее более внимательно следить за собой и по утрам, перед вахтой, искать перед зеркалом несуществующие пока морщинки у глаз, оставленные если не неумолимым временем, то хотя бы стартовыми перегрузками.

Результатом таких мыслей явилось неожиданное для самой Веры ворчливое приказание:

— Готовься! Сажать корабль будешь самостоятельно.

— Есть! — радостно отрапортовал Василий, и Вера опять начала ругать себя: поддалась настроению, ведь вахта ее, значит ей и сажать корабль, и ни к чему баловать «мальчишку», успеет еще, налетается. Надоедят еще ему самостоятельные взлеты и посадки, как они ей надоели. Нет, положительно, на нее подействовал этот рейс, за десять лет первый ее рейс на Росу. И второй, если считать тот, давний рейс...

Судьба хранила ее — все эти десять лет ее гоняли на дальних трассах, и ни разу в путевом листе не было указано: «Пункт назначения — Роса». Она не задумывалась об этом, и только сейчас поняла, что для нее это непросто — рейс на Росу. Как знать, не опекали это Беккера, милого и смешного Беккера, маленького человечка со странным именем Альфа...

— Я не могу даже представиться полным именем, с отчеством, — с комическим унынием признался ей как-то Беккер. — Почему-то все вместо «Олегович» говорят «Омегович», а быть Альфа Омеговичем, да при моей-то непрезентабельной внешности... — и он грустно махнул рукой. Вера тогда с удивлением сообразила, что действительно, он всегда представляется только фамилией. Да и его никто никогда не называет иначе, чем по фамилии. И она, даже в мыслях, говорила о нем — «Беккер».

Сейчас, вспомнив о нем, Вера вздохнула. С Росы ей придется везти молибден и алюминий на Гриаду,

дальнюю планету, где недавно открыт новый завод. И лишь оттуда будет рейс на Землю. А на Земле может не оказаться Беккера — при всей его нелюбви к командировкам ему приходится то и дело улетать на другие планеты. И опять она может, приехав к нему домой и не застав его, просидеть весь вечер в компании спокойной и красивой — никто ей не дает ее шестидесяти,— жены Беккера, Людмилы.

Людмила давно все поняла. По-видимому, ей кажется в порядке вещей, что узнавшая ее мужа поближе Вера влюбилась в него и безответно любит вот уже несколько лет. Помочь здесь ничем нельзя, ведь Людмила уверена в неизменности чувства Беккера к себе и отлично знает, что Беккера нельзя не любить — надо только его разглядеть сквозь смешную, растрепанную и растерянную внешность.

Людмила будет поить Веру чаем со своим, домашнего приготовления, вареньем и разговаривать о Беккере. Даже Людмила зовет его только по фамилии. Она не питает к Вере неприязни, и Вера не позавидует ей, тому, что она имеет на Беккера все права, которых нет, не было и не может быть у нее. Потом она уйдет, будет долго, почти два часа, добираться до космопорта и в тесном номере гостиницы для экипажей даст, наконец, волю своим слезам. Она заплачется и уснет уже под утро с мыслями о том, что хорошо бы оказаться с Беккером вместе где-нибудь, где кроме них не будет ни души, и где можно было бы, забыв обо всем, завладеть им, и владеть все несколько дней или часов, которые окажутся в ее распоряжении...

Вера поймала себя на том, что опять видит его таким, каким он запомнился ей на Таврии — у ручья, только что напившимся из пригоршни звонкой бегучей воды, суховатым и сосредоточенным. Она поймала себя на том, что опять думает о нем, и что мысли ее, как всегда после ночных слез, ясны, холодно-рассудочны и деловиты.

Чтобы окончательно отделаться от них, она стала думать о том, что ей уже тридцать пять, что ей надоела «романтика профессии», что пора, наконец, выйти замуж за такого вот Василия, родить ему двух здоровых — обязательно двух и обязательно мальчишек — детей и сидеть на Земле, воспитывать их, выводить

гулять в детский парк, ловить на себе мужские взгляды и, чувствуя приятное волнение от того, что она может нравиться мужчинам, подзывать своих сорванцов и брать их за руки, показывая тем самым всем, на нее смотрящим, что они ошибаются, увидев в ней беззаботную девушку, а не мать семейства... А еще можно приходить с мальчишками в космопорт — встречать папу...

Вера почувствовала, что сейчас расплатится. Буркнув: «Я пошла к себе...», она поднялась и пересекла рубку, изо всех сил стараясь не спешить.

Спиной она почувствовала взгляд Василия и на ходу прижала рукой генератор. Он был как спасательный круг, брошенный из прошлого — генератор поля Фролова, плоской коробочкой вшитый в тетралиновую ткань комбинезона. Он был вшит чуть выше сердца, и жест получился произвольным и естественным. Генератор молчал под рукой. Он не был ни теплым, ни живым — оживить его мог только сигнал аварии с центрального пульта корабля. Он не был жив, хотя и был овеществленным напоминанием о прошлом, которое не повторяется.

Это было напоминание о прошлом, которое носят в себе, как генератор в комбинезоне. Как генератор, который только для того и существует, чтобы не повторилось прошлое, чтобы в критической ситуации выбросить владельца комбинезона прочь из корабля — вдаль, далеко, подальше. В рощу, к ручью, туда, где не достанет несправедливый огонь горящего и корчащегося в огне металла...

Вера коснулась генератора произвольно и сама не заметила своего движения. Не ощутила.

А Роса уже хорошо была видна на экранах — действительно похожая на каплю росы на черном бархате, живая теплая горшина. Добавить увеличение было нельзя, диск планеты начинал дрожать и расплываться на экранах — сказывалась неощутимая вибрация от спрятанных за обшивкой непрерывно работающих механизмов.

КОЛЬЦО ДЛЯ АКАДЕМИИ НАУК

*Вполне правдоподобная история, изложенная
в виде средних размеров рассказа в 12 частях,
или в виде очень маленькой повести
в 12 очень маленьких главах
(кому как больше нравится)*

1

Что-то звякнуло под ногой, заскребло, тупо прокаченное подошвой по асфальту. Геннадий приостановился, шаркнул ногой еще раз. Опять звякнуло. Геннадий был не любопытен. Под ноги себе он и днем никогда не смотрел, сейчас почему-то заинтересовался.

Было поздно. Фонарь над головой едва светился, в нем ритмично что-то щелкало. В момент щелчка он вспыхивал призрачным, нереальным светом. Геннадий всматривался в плотную тень под ногами, пока не сообразил, наконец, отойти чуть в сторону.

В редких вспышках фонаря на асфальте что-то неярко блеснуло. Он наклонился — кольцо. Геннадий положил его на ладонь — невзрачное колечко. Темная и шершавая поверхность, почти не отсвечивает маленький тусклый камешек.

«Не забыть показать завтра Рите, она в этом толк знает. Если стоящее, отнести в милицию или в стол находок. В общем, куда положено...» — лениво подумал он. Находка его не взволновала. Кольцо было грязным, и он так и нес его в руке, не опуская в карман.

2

Вымыв руки, Геннадий вымыл кольцо, положил его на белый фаянс раковины и забыл. Потом он прошел в комнату и остановился у окна. Окно выхо-

дило на пруд. Сейчас пруда не было видно, лишь плавали в воде отражения огней на той стороне. Ночь стояла безветренная, огоньки в невидимой воде не дрожали, не шевелились, и не понять было, где огни, а где их зеркальные двойники.

Тишина в комнате разбавлялась мерным гулом ночного города за окном. Геннадий получил квартиру недавно и еще не привык к тишине и одиночеству — в общежитии всегда было шумно. При мысли об общежитии он опять почувствовал голод — там, по крайней мере, в любое время можно было разжиться хлебом. А хлеб и горячий чай — это уже еда!

Чтобы обмануть желудок, Геннадий прошел в ванную и напился прямо из крана. Пил долго, потому что пить было неудобно, идти же на кухню за стаканом не хотелось.

Закрывая кран, он вновь увидел кольцо. Оно было еще влажным. Геннадий вытер его полотенцем и вернулся в комнату. Он не разбирался в кольцах, но что оно не золотое увидел сразу. И не серебряное. Скорее мельхиоровое, если только из мельхиора делают кольца. Узкое покрытое мелкой резьбой — эта резьба и показалась там, на улице, шероховатостью. Камешек тоже оказался мутным — так, стеклышко какое-то.

Геннадий надел кольцо на мизинец. На вид оно было велико, но пришлось неожиданно впору. Геннадий отодвинул подальше руку с кольцом, разглядывая его. Он никогда раньше не носил колец. С кольцом рука выглядела как-то необычно, как не своя. Он улыбнулся неожиданной мысли: «А вдруг оно волшебное? Хочу, чтобы стол был покрыт яствами!» — и повернул кольцо на пальце.

3

Он сидел на диване, глядя на уставленный яствами стол. «Яствами» — иначе это и назвать нельзя было. Высокие металлические кувшины матово отражали свет. Металлические же блюда с чеканкой стояли вплотную друг к другу. Чеканки было почти не видно из-под наваленной на них еды.

Геннадий сидел и смотрел на стол, пытаясь вспомнить, где видел что-то похожее... Наконец его осени-

ло — точно такой стол, с такими же кувшинами, вазами и блюдами был на картинке в книге сказок, которую шестилетняя племянница заставляла его читать всякий раз, когда он приходил к ним в гости.

Вспомнив, он почувствовал облегчение. «Ага! — сказал он удовлетворенно сам себе. — Ага!»

Он встал и прошел в угол, к стенному шкафу. Не торопясь разделся, надел тренировочный костюм, этот современный эквивалент пижамы, затем все так же не спеша повернулся. Странно, стол оставался на месте. Все на столе — тоже. Видя, что ничего не исчезает, Геннадий подошел поближе. Пахло аппетитно. Он взял в руки кувшин, налил из узкого горлышка в кубок. Кубок на вид тоже, как и кувшин, был серебряным.

«Слова-то какие вспоминаются: кубок, блюдо, яства... Как в книжке!» — отчужденно подумал Геннадий, поднося кубок к губам. В кувшине оказалось вино, и не плохое, если верить не испорченному хорошему вину вкусу Геннадия.

Вино помогло. Растерянность прошла. Через несколько минут он уже за обе щеки уписывал жаркое, шаря взглядом по столу и натываясь все на новые блюда. Часть их он знал, об остальных только догадывался — что это такое. В кувшинах было вино — в каждом свое. Он попробовал по глотку из каждого.

Геннадий уже не удивлялся. Столбик его умственного термометра сразу и прочно поднялся вверх до предела. Зашкалил. Всякое удивление осталось далеко позади.

Поев, Геннадий плеснул вина в расписной, похожий на маленькую ладью с поднятым носом и кормой, ковш. «Корец» — вспомнилось, как подсказанное кем-то, название ковша. Он поставил корец на табуретку, быстро разделся и лег, так и забыв выпить.

Глаза быстро привыкли к темноте. Необычно, нездешне выглядели силуэты высоких кувшинов. В полумраке все казалось незнакомым, и думалось поиному. Геннадий не мог отделаться от мысли, что все чудеса ему просто приснились. Они были связаны с кольцом, значит, кольцо ему тоже снится.

Чтобы избыть затянувшийся сон, он загадал: «Пусть все исчезнет со стола!» — и повернул кольцо.

В слабом отсвете ночных огней было видно, что стол опустел. Геннадий удовлетворенно и вместе с тем печально вздохнул. Сказка кончилась, и ее было немного жаль.

Уже совсем засыпая, Геннадий с тревогой подумал, что в сказках кольца были рассчитаны на исполнение трех желаний. Трехразового, так сказать, пользования. Он пробормотал:

— Пусть это кольцо исполняет не три, а сколько угодно желаний... — и повернул кольцо слабеющими ото сна пальцами.

Это было последнее, что он помнил. Он уснул сразу, как будто кто-то накрыл его темным плотным покрывалом.

4

Проснулся Геннадий сам, без будильника. Солнце било в незашторенное окно, щекоча теплыми пальцами ресницы. Створка рамы чуть отошла, и в щель тянуло прохладой. С улицы доносился утренний деловитый шум автомашин и трамваев. Геннадий полежал минуту, не открывая глаз. Легкая улыбка пробежала по его лицу. «Надо же присниться такому!» — он потянулся, закинув за голову руки и сплетя пальцы. Они наткнулись на кольцо. Геннадий засмеялся, вспомнив, как вчера нашел его. Все было ясно — вот откуда толчок этим странным снам! Геннадий отбросил простыню, вскочил с дивана, распахнул окно, глядя на вспыхивающую бесчисленными солнечными искорками морщинистую скатерть пруда. Он так и подумал — «скатерть», и вспомнил «скатерть-самобранку» в своем сне. Он хотел улыбнуться, но улыбки не получилось — что-то тревожило его за спиной, в комнате. И это «что-то» было связано со «скатертью-самобранкой».

Геннадий медленно обернулся, обегая взглядом комнату. Вот оно!

На табуретке стоял, такой безобидный вне связи со «сном» Геннадия, ковш с остатками влаги на дне.

Геннадий серьезно посмотрел на свои руки — серебром сверкнуло на мизинце кольцо. Также серьезно он взялся за него правой рукой и повернул: «Хочу, чтобы на столе стоял букет сирени!»

Он не удивился, увидев разом появившуюся на столе, в трехлитровой банке, охапку белой душистой сирени. Он не удивился сирени, хотя сирень давно отцвела. Он удивился банке. Почему в банке? Не в кувшине, не в вазе, а именно в банке? В стеклянной банке, в каких продают маринованные огурцы?

Геннадий подошел к столу, пощелкал по банке ногтем. Она отозвалась коротким стеклянным звуком, Геннадий хмыкнул и пошел умываться. Банка его убедила. Он поверил в кольцо. Сразу и безоговорочно. Уже одевшись, Геннадий так, для пробы, сотворил себе завтрак. Доедая его, он подумал о том, что принял все чудеса как должное. Как будто бы так оно и должно было быть.

Перед уходом он заставил комнату всякими вещами, но потом спохватился, убрал их поворотом кольца и заторопился на работу.

5

Геннадий работал в институте электроники. Сейчас почти в каждом городе есть такой институт. Рассказывать о его работе нет смысла: специалисту не интересно, а неспециалист не поймет. Скажем только, что работа у него была скорее интересная, чем неинтересная. Шеф был им скорее доволен, чем недоволен. В лаборатории их работало пятеро, не считая шефа. Они делали и испытывали схемы. Шеф делал диссертацию. Так шло уже много лет. Все они хорошо друг друга знали. Слишком хорошо, даже неинтересно, Геннадий заранее знал, кто, что и когда скажет.

Вот раздался трагический выкрик:

— Шеф!

Рита, испугавшись, захлопнула японский косметический набор и смахнула его в ящик стола.

Все захохотали — шеф всегда приходил на работу через полчаса после ее начала. Это знали все, знала и Рита. Но это не мешало кому-нибудь каждое утро кричать: «Шеф!», а Рите — всерьез пугаться.

Геннадий был сегодня в приподнятом настроении. Чудеса продолжались. Отчет, который он писал уже три дня, кольцо закончило за три секунды. Три се-

кунды — столько понадобилось времени, чтобы шепотом загадать желание и повернуть на пальце кольцо.

Оставшееся до прихода шефа время Геннадий провел, размышляя о свалившихся на него возможностях. Их было столько, что разбегались мысли. Удивительно, он поверил в кольцо, хотя еще вчера посмеялся бы над любым, кто рассказал бы ему такую историю. Сказочную историю. Сказочную? А почему бы и нет? Взять хотя бы ковер-самолет или гусли-самогуды... Чем не магнитофон — эти самые гусли-самогуды?

Геннадий так задумался, что не заметил появления шефа. Тот важно, как всегда, прошествовал в свой «кабинет», отгороженный от лаборатории двумя шкафами. «Прошефствовал» — так говорили о нем. Разумеется, за его спиной.

— Геннадий Алексеевич! — слышалось из «кабинета». Геннадий вскочил, подхватил отчет, положил его шефу на стол и отправился в коридор — покурить и проверить только что возникшую идею.

В коридоре было пусто. Перечеркнутый рамой, падал на пол квадрат солнечного света из окна. Толклись в луче пылинки, ковер в световом квадрате тоже был пыльным. За пределами квадрата пыли заметно не было.

Геннадий остановился и закурил, собираясь с мыслями. Что такое ковер-самолет? Летательный аппарат, оформленный в виде ковра! Принцип действия — антигравитация. Управление, по-видимому, от биотоков, ведь нигде в сказках не говорится о кнопках, рычажках и тому подобном...

Геннадий тихо засмеялся: «Сейчас проверим!» Он прошептал коврику: «Стань ковром-самолетом!» — и повернул кольцо. Ничего не произошло. Ковер лежал как прежде.

— Ну да, конечно... — пробормотал Геннадий, и скомандовал: — Лети!

Ковер не шелохнулся.

— Лети! — он притопнул ногой и сжал кулаки. Ковер не шелохнулся.

Геннадий со страхом посмотрел на кольцо. Он уже сжился с чудесами. Мысль, что они кончились, испугала его. Тут же он попросил у кольца пачку сига-

рет, получил ее и успокоился — кольцо действовало нормально. Видимо, у кольца были ограниченные возможности. Какие именно, это еще предстояло выяснить.

6

Отчет шефу понравился. Понравилось ему и то, что он был сделан вовремя. Поэтому шеф благосклонно взирал на окружающих. Все тут же принялись заниматься своими делами. Никто уже не работал.

Геннадий ушел за стеллажи, где никто не мешал ему проводить эксперименты с кольцом.

Кольцо могло сотворить любую вещь. Оно могло написать отчет, причем даже почерком Геннадия.

Но кольцо не могло превратить обычную дорожку в ковер-самолет.

Оно не могло придумать за Геннадия схему прибора. Геннадий схему придумать тоже не мог. Во всяком случае, он сидел над ней уже два месяца и очень расстроился, когда и кольцо спасовало.

Кольцо не могло заставить других людей выполнять мысленные приказы Геннадия. Он прошептал: «Пусть Рита принесет из библиотеки справочник», но Рита не тронулась с места, сколько он не крутил кольцо.

День близился к концу, когда в коридоре что-то загрохотало. Раздался истошный женский крик. Все выбежали в коридор. Из других дверей тоже выглядывали сотрудники. Стало многолюдно, как без пяти минут пять.

Среди всеобщего шума на полу сидела и кричала Зоя-уборщица. Пустое ведро с тряпкой валялись тут же. По ковру растекалась лужа воды из ведра.

Из сбивчивого рассказа Зои можно было понять, что она решила протереть плафоны. Это было удивительно само по себе — плафоны никогда не протирались. Вернее, они протирались дважды в год, во время субботников, но Зоя тут была ни при чем.

Сейчас, стоило ей, поднявшись на носки, потянуться к плафону, как пол вдруг выгнулся горбом и приподнял ее. Тогда она и закричала в первый раз. От крика пол встал на место, да так быстро, что ведро с водой опрокинулось, а Зоя упала.

Она закричала опять и кричала до тех пор, пока вокруг не собралась толпа.

Зою быстро успокоили. Все разошлись по местам, а через полчаса — по домам. Разошлись все, кроме Геннадия.

Убедившись, что на этаже никого не осталось, Геннадий встал на ковер и потянулся к плафону. Ковер тут же напружинился и легко поднял его вверх. Перестав тянуться, Геннадий уложил ковер на место. Мысленно делая скользящие движения, он заставил весь ковер елозить по полу туда-сюда. Небольшой тренировки оказалось достаточно, чтобы заставить ковер висеть в воздухе в полуметре от пола и пройти по нему, ощущая под ногами упругую податливость ткани.

Удовлетворившись этим, Геннадий превратил ковер-самолет обратно в служебную ковровую дорожку и пошел домой.

7

Итак, кольцо могло сделать ковер-самолет из любого коврика. Все дело было в том, как этим «самолетом» управлять!

Геннадию стало не по себе. Кольцо нельзя было сдать в стол находок или просто носить на руке. Его нужно было показать кому следует.

Геннадий вздохнул — конечно же, надо обратиться в Академию наук. Тут же он невольно улыбнулся: представил себе, как там удивятся, когда явится посетитель и скромно сообщит, что может творить чудеса.

Он нежно коснулся кольца, словно собираясь вернуть его на мизинце. Не хотелось ему отдавать кольцо в чужие руки. Ох, как не хотелось! Надо прежде уточнить его возможности, выяснить, почему оно «волшебное»...

Надо, конечно, отдать, но чуть погодя. Чуть-чуть, совсем немножко. А пока попользоваться и исследовать. А потом можно и отдать.

Геннадий быстро уговорил себя повременить с Академией наук и повеселел.

Прошло два месяца. Отошла в прошлое и забылась радость первого обладания кольцом. Появилась и быстро исчезла жажда накопительства. Теперь Геннадий творил любую вещь, когда в ней появлялась нужда, и отправлял ее назад, в небытие, когда необходимость в ней пропадала.

У него возникло желание благодетельствовать. Не от страсти к изъявлениям благодарности, а от щедрости. Он быстро стал популярен, как человек, который может достать любой «дефицит».

Чтобы не привлекать к себе внимания, он выполнял не все заказы. Кроме того, за них приходилось брать деньги — не рассказывать же про кольцо! Брать деньги было неприятно. Это было как воровство, и он научился отказывать — возвращал деньги, говоря: «Не достал...» и разводя виновато руками. Эти отказы, против ожидания, только укрепляли его славу незаменимого человека.

Но все же обладание кольцом не принесло Геннадию полного счастья. Непонятное у него было настроение в последнее время. Беспокойное. Не кольцо было тому причиной, и не Академия наук. Не мучила Геннадия совесть — ведь кольцо он оставил у себя ненадолго. Во временное пользование. Он даже сроки себе установил, даже письмо в Академию наук сочинять начал.

Так что с кольцом все было в порядке. И потому неожиданным оказалось для Геннадия открытие причины его томления. Причиной этой оказалась Рита. Та самая Рита, в одной комнате с которой он работал вот уже пять лет. Та самая Рита, над страхом которой перед ранним появлением шефа он вместе со всеми смеялся каждое утро.

Словно прозрев, Геннадий разглядел длинную шею Риты с завитками-курчавинками волос на затылке. Он открыл в ней детскую привычку сдвигать бисеринки пота с пушка на верхней губе, оттопырив при этом маленькую и яркую нижнюю губу. Он с волнением вслушивался в ее низкий голос. Геннадия кидало в жар, когда он слышал приглушенный, застенчиво-счастливый и словно обещающий смех Риты.

Он видел и слышал все это и прежде. Но тогда его это не задевало. Кто знает, почему? Может быть, он подсознательно боялся перейти за грань дружеских отношений, чтобы не получить отказ? Может быть, способность творить чудеса сделала его уверенным в себе и открыла его для чувства? Кто знает... Геннадий над этим не задумывался. Он просто искал взглядом ее длинноногую — она упорно не признавала макси-юбок — фигурку. Искал, и торопливо отворачивался, чтобы Рита не заметила его взгляда.

Геннадий сообразил приказать кольцу, чтобы оно выполняло желания сразу, без вращения на пальце. Это было удобно. Теперь он мог оказывать Рите мелкие знаки внимания, не опасаясь выдать себя.

9

А выдать себя он побаивался. Ему приходилось все время следить за собой, ведь он уже привык к услугам кольца. Он пользовался им так же, как пользуются одеждой, обувью, обычной домашней техникой.

Не хотелось ему привлекать к себе внимания раньше времени, ведь тогда пришлось бы отвечать на множество вопросов.

Геннадий не забыл своего решения отдать кольцо в Академию наук. Чтобы оправдать его задержку, он пытался сам разобраться, что же это такое. Несколько раз он оставался вечером в институте. Он рассматривал кольцо под микроскопом, просвечивал его на рентгеновской установке. Он пытался разобрать его — все было напрасно.

Однажды вечером Геннадий спросил у кольца: — Откуда ты взялось?

Он не рассчитывал на ответ, но кольцо вдруг слабо засветилось. Из камешка вырвался неяркий розоватый лучик. Он пометался по комнате, словно разыскивая что-то, и уперся в пол. Маленьким световым зайчиком подбежал лучик по полу к двери, задержался там на секунду и скачком вернулся под ноги Геннадию — вернулся, чтобы снова поползти к выходу.

Это слишком явно походило на приглашение, и Геннадий пошел за пляшущим перед ним светлым

пятном. Он шел, а лучик дрожал чуть впереди, как дрожит под ногами свет фонарика.

Они отошли недалеко — он и лучик. Когда луч остановился, Геннадий с разочарованием огляделся. Он стоял на том самом месте, где нашел кольцо. Было так же поздно, но фонарь был уже исправлен, светил ровно и не щелкал. Той чуть таинственной атмосферы, создаваемой мигающим полумраком, сегодня не было. Геннадий постоял еще немного. Кольцо больше не светилось. Оно добросовестно показало, откуда взялось, и Геннадий почувствовал облегчение от очередной своей неудачи раскрыть тайну кольца. Он пошел домой, смутно ощущая, что знает о кольце достаточно, знает, откуда оно взялось и что собой представляет. Ему не хотелось додумывать эти мысли до конца, и он отбросил их, став думать о Рите. Это было приятно. Приятно было знать, что завтра утром он ее снова увидит, и Геннадий совсем забыл о кольце.

10

Время шло. Кончилось лето и началась теплая спокойная осень. Время неумоимо двигало стрелки часов — всех часов, какие есть на свете. Оно текло сквозь все предметы, всюду оставляя свои следы. Геннадий физически ощущал его течение, что-то в нем сопротивлялось ходу времени, крича — нет! Еще рано! Но он бессилен был остановить движение времени, и в нем нарастало беспокойство. Надо было решать, что делать дальше. Нельзя было бесконечно откладывать с кольцом, нельзя было — он чувствовал, что нельзя, — не выяснить отношений с Ритой.

Отношения их, хотя ни он, ни Рита ни разу об этом не говорили, находились в неустойчивом равновесии. Если он опять промолчит, не внесет в них определенность, то это сделает Рита. И не ясно, как она определит их дальнейшую судьбу...

Теплым сентябрьским вечером, проводив Риту домой и, как всегда, промолчав всю дорогу до самой ее двери, Геннадий возвращался к себе. Он шел по пустынным вечерним улицам, и шаги его далеко разносились вокруг. Лишь изредка, когда под ноги попадали мягкие, не совсем еще высохшие, но уже желтые листья, в четком перестуке каблучков появлялись

пропуски. Они сбивали ритм и сбивали мысли, и Геннадий бессознательно старался не наступать на тут и там светлеющие на тротуарах, сорванные с деревьев осенним ветром почти еще живые мягкие пятаки — разменную монету осени. Идти, выбирая куда ступить, было тоже неловко. Это отвлекало, и в нем нарастало глухое раздражение. Уже подходя к дому, взглянув вверх на знакомый фонарь, Геннадий понял, откуда оно.

Кольцо. Рита. Рита и кольцо — все переплелось. Геннадий чувствовал, что идти к Рите нужно чистым и открытым, без той тайны, что внесло в его жизнь кольцо. Он привык к кольцу, и в то же время знал, что без Риты ему жить нельзя. Точно так же нельзя прийти к ней, вынеся на ее суд непонятную историю с кольцом. Непонятную — не столько из-за самого кольца, сколько из-за отношения Геннадия к нему. Впервые Геннадий отчужденно и ясно подумал, как о ком-то постороннем, что никакие не исследовательские цели заставляют его оставлять кольцо у себя.

Он поднялся по лестнице. Лезть в карман за ключом не понадобилось — язычок замка отодвинулся сам собой, и дверь квартиры сама распахнулась перед ним, повинуясь его беззвучной команде. Геннадий невесело усмехнулся — вот она, причина, заставляющая его лгать самому себе, заставляющая держать кольцо у себя, со дня на день откладывая передачу его в официальные и компетентные органы.

Геннадий очень устал за день, но голова была ясной и холодной, как были холодны теснившиеся в ней мысли. Геннадий устроился на диване поудобнее и начал приводить в порядок и подгонять их одна к другой — короткие и упругие, давно уже выношенные и просящиеся теперь наружу мысли.

11

Геннадий непосредственно был связан с техникой. Он ясно понимал, что чудес не бывает. И если кольцо творит чудеса, значит, есть техника, позволяющая их творить. Какая техника — неважно. Важно только, что не наша, не земная. Земной технике такая задача будет еще долго не по плечу.

Геннадий взял из воздуха зажженную сигарету, затянулся, длинной струей выпустил дым, задумчиво глядя на кольцо. Оно знакомо отсвечивало серебристым металлом, такое привычное и земное, что Геннадий чуть не потерял нить рассуждений.

Само колечко вмещать всю сложнейшую аппаратуру — а аппаратура с такими возможностями не может не быть сложной — явно не могло. Значит, кольцо играет только промежуточную роль — улавливает его, Геннадия, желания и передает их туда, где их исполняют.

Не замечая того, Геннадий стал говорить вслух, обращаясь к кольцу, как к собеседнику:

— Суммируем: есть кольцо и есть База, назовем ее так, с которой кольцо связано. Основная работа идет на Базе, кольцо — лишь посредник. Далее, База должна быть на Земле, иначе желания не исполнялись бы мгновенно, нужно было бы время, чтобы сигнал от кольца дошел до Базы и вернулся обратно. Даже если бы База была на Луне, запаздывание составило бы две-три секунды, а этого нельзя было бы не заметить.

Он помолчал и негромко приказал:

— Неси меня на Базу!

Почти сразу одна из стен комнаты помутнела, на глазах становясь прозрачной, и совсем истаяла, растворилась в воздухе. За ней вместо соседней квартиры, обязанной быть там по всем законам физики, глухо шумел невидимый в ночи лес. Свет из комнаты выхватывал только ближайшие голые и мокрые кусты. Потянуло холодом и сыростью.

Не спеша, но не поворачиваясь к лесу спиной, Геннадий надел свитер и куртку. Стоять в освещенной комнате на виду у залившей лес темноты было неуютно. Геннадий задержался на краю своего обжитого мира и резко, как в воду, шагнул вперед. Комната сзади исчезла сразу, как выключенная. Он успел увидеть неправдоподобную в лесу декорацию — три стены комнаты, освещенной теплым электрическим светом.

Тьма была крошечная. Геннадий беспокойно поворачивался охваченный страхом — не страхом, но неприятным сознанием, что сзади кто-то есть. Так бы-

вает, хотя обычно это чувство обманывает. Постепенно глаза стали различать в темноте сгустки еще более темного мрака. На фоне беззвездного неба угадывалась неподалеку гора.

Геннадий осторожно тронулся с места. Ноги ступали по упругому — палаая мокрая листва или мох. Изредка попадались камни, довольно крупные, и ботинки Геннадия тупым звуком отмечали их появление на пути. Было холодно. В воздухе висела влажная туманная изморось. Геннадия била крупная дрожь — не то от холода, не то от волнения. Странно, он совсем забыл о кольце, не сообразил потребовать света или хотя бы фонарика, и так и брел впотьмах.

Впереди ему показалось светлее — не на глаз, а только сщущением света, — и он двинулся вперед, вытянув перед собой руки. Временами он натывался на деревья. По колючей хвое Геннадий узнал ели, лишь несколько деревьев оказались лиственными. Листьев на них не было, и определить породу он в темноте не смог. Потом он налетел на кустарник, тоже голый и мокрый, и чуть не упал. Брюки на коленях стали влажными от прикосновения сырых веток. Чувствовалась поздняя осень, и Геннадий буднично прикинул, совместив воедино холод, отсутствие листьев на деревьях, ощутимо угадывающуюся в темноте гору слева, что находится где-то на Севере. Где именно — на Кольском полуострове, на Северном Урале или на Аляске, — было не так важно, поскольку угадать все равно было невозможно. Впрочем, Аляска отпадала — там сейчас был день.

Стало ровнее. Геннадий пошел быстрее, наткнулся на валун, обошел его, придерживаясь руками. Валун был большой, как дом, ледяной и мокрый. Его покрывала плотная пленка мха. Влажный мох на ощупь был неприятен, и Геннадий вытер руки о куртку.

Кольцо вдруг слабо засветилось, Геннадий остановился, сообразив, что оно о чем-то предупреждает. Глаза уже немного привыкли к темноте, и он сумел разглядеть в слабом отблеске безлунного, покрытого тучами неба, что стоит на самом краю обрыва. Дна его не было видно. Геннадий недоумевал, куда же идти дальше. Идти вбок, вдоль обрыва, он опасался.

Впереди и вверху показался слабый свет, как будто за тучами всходила луна. Тучи посветлели, и Геннадию показалось, что он различает луну, прозрачную и нереальную, сквозь слой облаков. В следующее мгновение он понял, что ошибся. Из низкой пелены, опускаясь ниже и приближаясь к нему, медленно и бесшумно выплывало овальное светящееся тело. Оно спустилось вниз, почти вровень с Геннадием, но далеко от него. Он не мог бы сказать, как далеко — не было ориентиров. Так же бесшумно тело стало приближаться, отразившись в какой-то момент в воде — там, внизу, было озеро или река. Оно придвигалось, быстро вырастая в размерах, и остановилось меньше чем в десятке метров от Геннадия.

Нахлынувшее на Геннадия при появлении светящегося тела ощущение тревоги и тоски исчезло, как только оно остановилось. «Инфразвук! — отметил он про себя. — Видимо, инфразвук излучается при работе двигателей, он и воздействует на психику».

База висела теперь слишком близко, чтобы можно было точно определить ее размеры. «Метров пятидесяти в диаметре, а то и больше...» — пробормотал Геннадий себе под нос. Поверхность Базы светилась, и не понять было, что это — металл, пластмасса или керамика. Свет преображал тело. Он шел изнутри, делая его легким и полупрозрачным. Временами казалось, что это — не твердое тело, а необычный, резко очерченный сгусток светящегося тумана.

База повисела так еще некоторое время. Геннадий понял, что больше ничего не произойдет. Кольцо точно выполнило его приказ, принесло его сюда, к Базе. Геннадию стало ясно, что она — сложнейшее кибернетическое устройство, выполняющее программу изучения Земли. В эту программу каким-то образом входило и кольцо. Разговаривать с автоматом было не о чем. Разом нахлынула усталость. Геннадий, горбясь от холода и изнеможения, приказал кольцу: «Домой!», — и зажмурился, ослепленный ярким электрическим светом. В этот раз обошлось без блуждания во тьме. Он стоял посреди своей комнаты. Все стены ее были на месте. Если бы не усталость и не мокрая от

ходьбы по лесу одежда, можно было бы подумать, что ему все это только приснилось.

12

Раздеваясь, он продолжал думать о Базе. Видимо, от усталости мысли были нечеткими, обрывочными и расплывчатыми.

Контакта, о котором мечтало человечество с начала космической эры, заложенной еще Циолковским, контакта с другой цивилизацией не получилось. Да и какой может быть контакт с автоматами? Автоматы летают вокруг Земли, собирают информацию о Земле и о людях — словом, заняты своим делом, выполняют свою программу. Мы, люди, заняты своими делами...

Кольцо,— Геннадий поднял руку, оно слабо блеснуло в падающем из окна свете,— служит этой же цели сбора информации: о его, Геннадия, поступках, желаниях и чувствах. А «чудеса» служат стимулом к тому, чтобы с кольцом никогда не расставались. «Ну и пусть себе на здоровье собирает информацию...» — слабо улыбнулся Геннадий, обессиленно вытянувшись на постели и уже засыпая.

Геннадий уснул, еще не зная, что уже принял в глубине души решение, что же делать с кольцом. Он еще не знал, что в этот момент его отношения с Ритой прекратились, так и не начавшись. Ведь, в конечном счете, они зависели от выбора, который он должен был сам для себя сделать между кольцом и Ритой. Дело было не в кольце. Дело было в самом Геннадии, в том, что он должен был прийти к Рите с открытой душой. Только в этом был залог их будущего счастья, счастья, которое никогда не состоится.

Ему еще предстояло узнать боль и горечь, ожидающую его впереди, когда у них с Ритой не получится отношений других, чем просто у коллег по работе. Ему еще предстояло узнать, что он без Риты на самом деле не может жить, ибо нельзя же называть жизнью жалкое прозябание без любимой.

Геннадий еще не знал, что кольцо уже собрало всю нужную для Базы информацию. Он не знал, что самой важной информацией был этот его выбор. Те-

перь, когда все определилось, функция кольца была завершена. Начиная с этого момента, на руке Геннадия поблескивал обычный, никчемушный кусок металла.

Геннадий не знал и никогда не узнает, что бесстрастный электронный мозг Базы записал в своей памяти все произошедшее с Геннадием, как очередной неудачный эксперимент. Он не знал, что верный своей программе, не разочаровывающийся и не устающий автомат продолжает кружить над Землей, внося смятение в умы людей одним своим появлением.

Лежит где-то на тротуаре и ждет своего будущего владельца другое невзрачное на вид колечко, готовое творить чудеса во имя Контакта двух цивилизаций, колечко, которое рано или поздно попадет в Академию наук.

ВЫ НАМ НУЖНЫ

Он подошел ко мне на космодроме, предложил проводить до выхода, и так и пошел со мной. Потом он потащил меня в кафе, и я не стал отказываться. Я соскучился по людям, но здесь их было так много, что я растерялся. Мне нужно было побыть с кем-нибудь одним, пока это ощущение растерянности и одиночества не сгладится.

Кафе оказалось полупустым. Сквозь стеклянную стену, пока мы шли вдоль нее ко входу, я успел разглядеть весь зал. У стойки на высоких табуретах — надо же, сохранились до сих пор! — сидело несколько парней. У стены стояла официантка в форменном платье, с кружевной наколкой. Я мельком отметил безукоризненно правильные черты ее лица и пропорции фигуры.

— Что будешь пить? — спросил мой спутник.

Мне было все равно, и я сказал ему об этом. Он задумался над карточкой с перечнем блюд и напитков. А мне действительно было все равно, что пить. Или не пить. И не есть заодно. Но этого я не сказал, чтобы не ставить его в неловкое положение. Он был парень ничего, только слишком уж любезный — до назойливости. Похоже, они здесь, на Земле, все теперь такие — слишком вежливые.

Мне вдруг стало неуютно и тоскливо, и я почти пожалел, что оставил ребят в карантине на Луне и прилетел на Землю один. Заторопился, видите ли.

К нам подошла официантка. Я, как увидел ее близко, сразу понял, что она автомат. Для этого достаточно было одного взгляда. Человек так двигаться не может. Только машина, испорченная машина. Приняв заказ, она удалилась. Походка ее оказалась точно такой же безжизненной, как и все движения. По-видимому, на моем лице отразилось сострадание,

потому что мой новый знакомый вопросительно на меня посмотрел.

— Почему ее неотрегулируют? — невольно задал я вертевшийся на языке вопрос.

— Отрегулируют? — недоуменно переспросил он. — А разве что-нибудь не в порядке?

— У нее не в порядке узел координации движений. И мимика отключена...

— Но ведь тогда ее можно будет принять за человека. — Он посмотрел на меня и рассмеялся. Должно быть, вид у меня был довольно глупый. — Да ты ведь не в курсе — автоматы делают такими вот уже пятьдесят лет, после того случая на Спутнике-11..

— На Спутнике-11?

— Сейчас перекусим и поедem ко мне. Я тебе закажу ролик об этом случае, и ты сразу все поймешь... А вот и наш завтрак!

Официантка действительно уже принесла поднос с двумя бокалами и полдюжиной тарелочек. Я старался смотреть в сторону, пока она неуклюже, хотя и довольно точно, составляла их на столик, а потом удалилась своей мерной неживой походкой.

— А остальные шестеро еще на Луне? — спросил меня мой спутник, с аппетитом принимаясь за салат.

— В карантине. Еще неделю. — Я был немногословен. К счастью, собеседник мой не нуждался в партнере для разговора. Он говорил сам. Он объяснил мне, какое значение имеет наш межзвездный перелет для развития космонавтики. Он с восторгом предупредил меня, что Земля за прошедшие с момента нашего старта полтора века здорово изменилась. Я это уже понял и без него, но промолчал.

Между прочим он поведал, что он историк, а занимается прошлым веком. Поэтому ему удивительно повезло — встретиться со мной.

— Интерес у меня чисто профессиональный, — добавил он со смешком. Правда, о том, наткнулся ли он на меня случайно, или специально караулил на космодроме, он не сказал.

Я тоже наскоро отправил содержимое тарелочек в рот, и мы пошли к нему. Жил он недалеко. В квартире был идеальный порядок, чего я не ожидал — он успел сообщить, что он холостяк.

Историк оказался обязательным человеком, или решил, что расспросить меня о прошлом веке успеет. Во всяком случае, уже через четверть часа мы получили по линии доставки ролик микроплёнки с описанием случая на Спутнике-11.

Проектор мне был не нужен, микроплёнку я и так могу просмотреть, но я вставил её в проектор — по привычке не отличаться от других.

...Это произошло лет пятьдесят назад. Роботов в то время делали мало, и делали неотличимыми от людей. Считалось, что это нужно для того, чтобы снять психологический барьер недоверия к автоматам. Как я знаю, делалось это ещё и из чисто эстетических соображений.

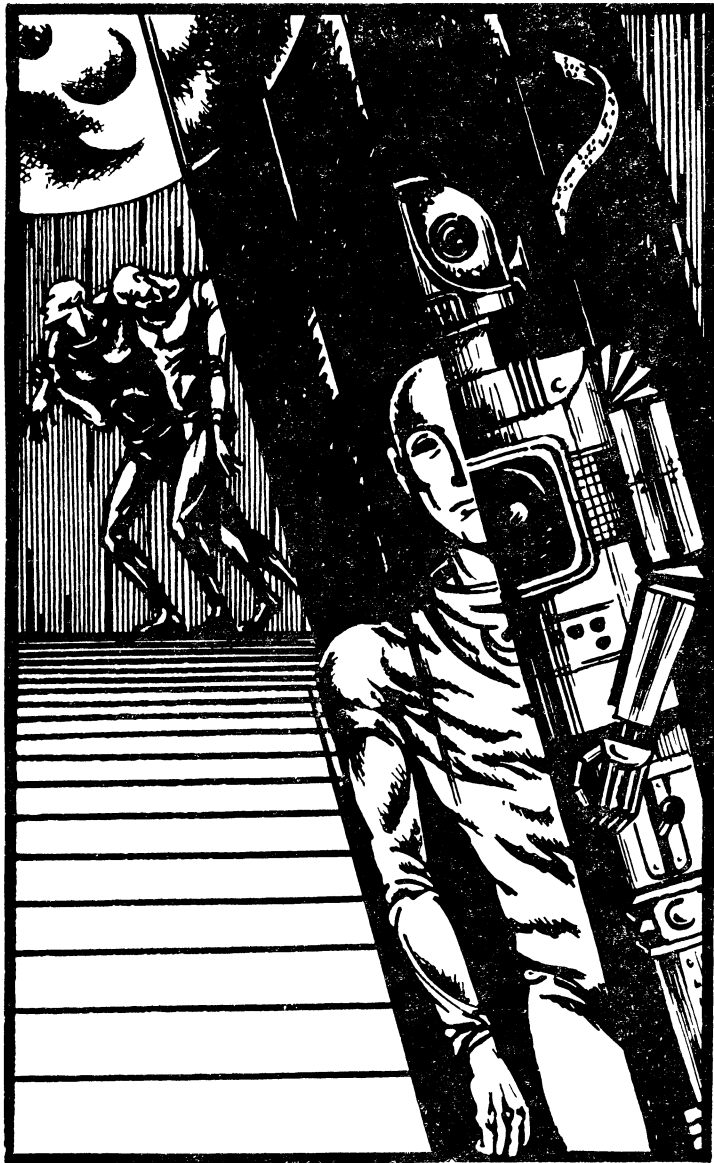
...Пассажирский лайнер сообщением Марс—Земля подходил к космическому вокзалу на Спутнике-11. Пассажиров лайнера ожидали ракеты ближнего сообщения — в различные пункты Земли. Пилотов на лайнере было два. Пассажиры не знали, что один из них робот, как не знали того, что у корабля отказали двигатели коррекции. Пилоты с трудом маневрировали, меняя тягу основного двигателя. А работы было много — они проходили пояс оранжерей, где все время приходилось корректировать траекторию.

Для меня исчезли сухие строчки протокольной записи событий. Я почти увидел, как это происходило.

...Коротко взвыл ревун тревоги на лайнере. Кресла крепко спеленали пассажиров. Прогрохотал раз и ещё раз главный двигатель. Огромная лохматая лапа перегрузки тяжко придавила пассажиров, отпустила и вновь нажала. С ласковым чмоканьем вошли в пазы аварийные переборки между отсеками.

Тревожно мигали красные лампы над задраенными люками, и кресла заботливо удерживали людей в своих кожаных объятьях. Затем толчок, серия ударов, что-то забарабанило по обшивке и сразу смолкло. Стало слышно злое шипение вырывающегося наружу из отсеков воздуха...

Лайнер Марс—Земля сошел с расчетной траектории и кормой зацепил на развороте энергоотсек одной из оранжерей. Реактор энергоотсека перешел во взрывной режим. Ключья труб, радиоактивного бетона и гамма-изоляции брызнули в стороны.

Когда прибыли спасатели, все было кончено. Из ста восьмидесяти человек на лайнере в живых осталось тридцать.

Среди них оказался корреспондент глобальной видеосети. Он-то и начал дискуссию о том, можно ли доверять свою жизнь автомату.

Дискуссия сразу приняла неожиданный характер. Вопрос об отказе от автоматов почти не поднимался, всем было ясно, что земная цивилизация без них уже невозможна. Речь пошла о другом — допустимо ли автоматы делать похожими на людей.

Удивительно, как много людей считало, что этого делать нельзя. По-видимому, трудно было расстаться с мыслью, что человек — венец творения, и поставить себя на одну доску с «ящиком, набитым радиодетальями». Короче говоря, страсти разгорелись, и Координационный Совет Земли во избежание повторения подобных инцидентов (имелась в виду не сама авария, а ее общественный резонанс) решил — придавать автоматам вид, исключающий возможность принять их за людей.

Я сидел, держа микропроектор на коленях. Меня поразила жестокость этого решения, низводящего все автоматы на уровень механических слуг-недоумков. Решения, лишаящего их полноценного и полноценного контакта с людьми.

— Ну как, прочитал? — послышался жизнерадостный голос хозяина квартиры. И весь он был жизнерадостный и холерный. И элегантный. Слишком, по-моему, элегантный.

— Прочитал... — собрав все самообладание, чтобы не выдать своих чувств, ответил я. И тут же спохватился, что меня ждут, что мне надо срочно идти...

Он мне не поверил, но удерживать не стал. Видимо, был уверен, что найдет меня своим цепким историческим оком.

Уже в дверях, глядя на мою нервно подергивающуюся щеку, он с сочувствием произнес:

— Видимо, крепко вам там досталось...

Он не ждал ответа. Да я и не стал бы отвечать. Прикрыв за собой дверь, я остановился на лестничной площадке и прижал рукой щеку, стараясь унять ее дрожь.

Этот тик я получил на Пропионе-2, когда на меня свалился обломок скалы. У меня тогда раздробило все микросхемы управления и отказали сервоприводы нижних конечностей.

А потом, уже отремонтированный, я попал вместе с доктором и кибернетиком в песчаный ураган. Этому писторику никогда не узнать, как с решимостью отчаяния штурман с инженером и командиром ремонтировали меня, торопясь и причиняя нестерпимую боль, потому что не догадались отключить узел ощущений. Они спешили, а рядом хрипел и захлебывался кровью доктор, и его жизнь зависела от того, как быстро меня отремонтируют — в моих программах было заложено умение делать операции на грудной клетке.

...Ему не понять, что это значит, постоянно ощущать боль. Ему не понять того изнеможения и чувства свободы, которые охватили меня, когда вырванный с того света кибернетик сумел нетвердой еще рукой отрегулировать мне узел ощущений, и эта боль исчезла...

Ему никогда не узнать, как провожали меня на Землю ребята, которым осталось сидеть в карантине еще долгих шесть дней. Ему не понять инженера, который, хлопнув меня по спине, вполне серьезно посоветовал мне не очень заглядываться на земных красавиц, потому что любая из них моложе меня на добрых полтора века. Он не сможет понять кибернетика, который сам, не доверяя техникам Лунной Базы, отрегулировал мне блок мимики, а потом вслух и со вкусом позавидовал мне, потому что я лечу к зеленым лужайкам и голубому небу Земли, а ему еще почти целую неделю дышать дистиллированным воздухом Лунной Базы...

Тик у меня прекратился. Я вышел из подъезда и тихо пошел тенистой улицей вдоль шеренги вековых лип. Машинально я все еще придерживал щеку рукой. Поймав себя на этом, я улыбнулся и убрал руку.

На перекрестке стоял регулировщик. Он остановил движение машин и махнул мне — проходи! Я пошел, подмигнув ему в ответ на его улыбку.

Это был автомат, но для меня и для всех он был просто регулировщиком. Никто даже не задумывался, кто он.

Мне стало спокойнее. Вокруг меня были люди. Много людей. Я соскучился по людям, хотя предпочел бы, чтобы в первое время их было вокруг меня поменьше. Слишком уж я отвык от людей за время своего долгого — в полтораста лет — путешествия.

Мне еще предстоит знакомство с Землей. Все-таки она здорово изменилась за это время.

Мне предстоит встреча с моими товарищами по полету.

Мне много чего еще предстоит...

Мне стало совсем легко и я пошел по улице, улыбаясь голубому небу, нарядной городской зелени и людям. Людям, которым нужны мы, автоматы, и которые так нужны нам, автоматам.

ИНСТРУКЦИЯ

Им не везло с самого начала. Десантный бот вышел в точку встречи с кораблем-маткой слишком поздно. Ждать следующего рейса можно было только через полтора месяца, и они решили идти к Базе на боте. Это не рекомендовалось, но иногда делалось. Энергии у них должно было хватить как раз на три броска сквозь пространство.

Во время второго броска отказали генераторы. Все нарастая, посыпалась лавина отказов, одна за другой выходили из строя сигнальные и управляющие системы. Но Мозг все-таки ухитрился вывести бот в пространство вблизи звезды второго класса светимости и выстрелил гермокапсулу с десантниками по направлению к ближайшей планете.

Еще некоторое время капсула шла по радиолучу с бота, но потом Вадим с Алешей увидели, как медленно раскалился до ярко-вишневого цвета титанитовый борт корабля. Лопнула, выворачиваясь наружу и выпуская язык белого пламени, обшивка. На мгновение расцвел и тут же погас среди немигающих холодных иголочек-звезд небывалый огненный цветок.

Вести капсулу до планеты и посадить ее пришлось вручную, и их далеко снесло от намеченного Мозгом места посадки.

После насадного рева тормозных двигателей ватными пробками застряла в ушах тишина. Не нарушая ее, тихо потрескивал накалившийся корпус капсулы. Внутри не было жарко. Было тесно и не хотелось вставать из уютных поролоновых объятий кресла.

— Посидим на дорожку... — пробормотал Вадим. Собственный голос показался ему в тишине сухим и бесцветным. Он обвел глазами заключенный в тесную непрочную скорлупу капсулы такой знакомый — свой, земной — мирок.

Но надо было действовать. Вадим потянул, сматывая с катушки, перфоленту с последней продиктованной Мозгом записью. Алеша плохо читал с ленты, и Вадиму пришлось повторять вслух:

— Планета обследовалась автоматами десять лет назад... обследование закончено... автоматами поставлен галактический маяк... координаты маяка...

Они переглянулись — нужно только добраться до маяка, и через четыре дня корабль с Базы будет здесь. Уж с маяка подать "SOS" совсем не трудно!

Сборы были недолгими. НЗ — воздух и продукты. Алеша отвернул со щитка и сунул в карман гирокомпас. Вадим вскрыл опломбированный пенал, достал и тщательно осмотрел лучевые пистолеты. Один положил в карман комбинезона, а второй, слегка подбросив, протянул Алеше. Тот сразу посерьезнел. Пистолет ловко лег в ладонь. Рукоятка была удобной, палец мягко охватил спусковую скобу. Вадим наблюдал за спутником, чуть улыбаясь: видимо, во все времена оружие действовало на мальчишек притягательно. А вслух отчеканил:

— Пункт 2, б) Инструкции: «Оружие допускается применять только в случае крайней необходимости. В отношении существ, чья разумность не доказана, но может быть предполагаема, категорически запрещаются всяческие действия, создающие угрозу или могущие быть истолкованы как угроза. В случае возникновения осложнений контакт должен быть прерван вплоть до получения надлежащих инструкций или до прибытия отряда Следопытов...»

— Вот именно, до прибытия отряда, — буркнул Алеша, поворачиваясь к люку.

Протискиваясь, он закрыл на мгновение отверстие. Вадим еще раз огляделся, выключил освещение, помедлил немного и тоже выскользнул наружу, в чужую предрассветную муть. Люк закрылся сам.

Капсула лежала, неожиданно маленькая, под открытым небом. Глаза медленно привыкали к сумеркам, неясные тени приобретали формы и очертания.

Равнина уходила вдаль и чуть вниз, и Вадим порадовался, что идти надо будет не в гору. Невдалеке росли рощицей деревья. Мягкие сумерки штриховали пейзаж, и он казался знакомым и совсем земным.

Серая в полутьме трава была жесткой и сухой. К ее шуршанию примешивались чуть слышные вздохи клапанов подачи кислорода. Вадим не чувствовал торжественности. Не было ощущения первых шагов по чужой планете. Было тревожно и, как всегда в сумерках, немного печально.

Чуть помешкав, они рядом, касаясь друг друга плечами, пошли к ровной черте горизонта. На ходу Алеша вытащил из кармана компас. Они повернули немного левее. Трава шуршала под ногами, шелест ее настораживал и заставлял идти быстрее. Оглянулись — светлое яйцо капсулы было еще видно. Трава вокруг него казалась гуще, чем рядом с ними. Тени отступали и становились синее. Вот-вот должно было показаться солнце. Вадим и Алексей поправили поклажу и ускорили шаг.

По прямой до маяка было километров двести. Вадим стремился как можно больше пройти в первые сутки, и они шли быстро, и кислород бежал по плангам, вливался в легкие и растекался по телу.

Малиновое солнце прожгло узкую полосу горизонта и поползло вверх, путаясь в тумане и становясь желтее.

Перекусили на ходу. Трава стала выше, и им пришлось идти гуськом. Впереди покачивались широченные Алешины плечи. Тускло отблескивал кислородный баллон. При каждом шаге он качался, слепящая точка солнца в нем вытягивалась в линию и вновь сжималась.

Чувство тревоги отступило, ушло вглубь и превратилось в глухое беспокойство. Осталась обыденность движения, усталость и жара. И трава, буроватого цвета, отзывающаяся на каждый шаг назойливым шуршанием. Это шуршание и сопротивление травы, легкое, но постоянное, стали уже незаметными. Только когда на пути попала небольшая плешинка голой земли, Вадим вдруг с удивлением обнаружил, как это здорово — не слышать шороха травы и не тянуть за собой ногами всю планету за ее непрочный зеленый покров. Рядом тихо засмеялся Алешка.

— Чего это ты смеешься? — удивленно спросил Вадим.

— Ноги радуются, — проворчал Алешка.

А время шло, измеряясь не часами и минутами, а давлением кислорода в баллонах. Солнце поднялось совсем высоко, становилось жарко, и они сделали привал, остановившись в тени нескольких одиноко стоящих посреди равнины деревьев.

Они лежали на спине, широко раскинув руки. В глубоком синем небе медленно проявлялись облака. Пригорок падал туда, в облака, и дальше. Чуть слышно поскрипывала и копошилась в траве мелкая местная живность. Алеша сорвал травинку, покрутил в руках и отбросил.

— Здесь бы дом отдыха построить, — голос у него был ленивый.

Вадим промолчал.

Планета была чужая, и он все время помнил об этом. Идти было еще далеко, а кислорода — хорошо, если хватит на половину пути, и ему все время чудилось чье-то недоброе пристальное внимание. Как будто сама планета, — с виду совсем такая же, как Земля, — наблюдает за ними и равнодушно ждет, как и чем все это кончится.

Последний баллон они израсходовали к следующему утру. Теперь кислородом их снабжали только фильтры-поглотители. Фильтры не справлялись, при быстрой ходьбе воздуха не хватало, но Вадим торопился. До маяка оставалось еще не менее ста километров, и они шли сквозь шум в ушах и багровую пелену от недостатка кислорода.

Солнце ощутимо припекало сквозь комбинезоны, отсвечивало на глянцевых стеблях травы. Приходилось жмуриться. Свет и тень чередуясь, скользили по лицу, просачиваясь сквозь полуприкрытые веки, когда они проходили вблизи разбросанных по равнине деревьев. Они втянулись, временами им казалось, что они могут так идти бесконечно, и не нужно привалов... но привалы они все-таки делали.

Алешка на привалах укладывался, задрав ноги, но долго так улежать не мог, садился и вновь ложился — уже на живот, и с любопытством озирался вокруг. Молчание Вадима его тяготило, он стеснялся лезть с разговорами, но лез. Вадим отвечал нехотя. Что-то ему не нравилось, и это «что-то» было не внутри его,

а вне. Все вокруг было спокойно, но ему опять, и в который уже раз, стало не по себе. Словно угадав его мысли, Алеша спросил:

— Вадим, а разумной жизни здесь не может быть?

Вадим повернулся к нему, но ответить не успел — глаза Алеши сузились, он резким толчком в плечо отбросил Вадима и сам откинулся назад. Между ними, словно материализовавшись из пустоты, возникла стрела. Она была грубо обработана, но, без сомнения, это была именно стрела. Она глубоко ушла в землю, конец ее мелко подрагивал.

Внутри Вадима словно спустили тугую пружину. В следующее мгновение он уже был на ногах. Странно, теперь он испытывал облегчение. По крайней мере, перед ними была вполне реальная опасность, а не смутное предчувствие чего-то нехорошего.

Он протянул руку, одним рывком поставил Алешу на ноги. В три прыжка они оказались в гуще разросшегося неподалеку кустарника.

Алеша уже снял пистолет с предохранителя. Вадим спохватился и поймал его за руку:

— Ты с ума сошел!

— Я же только поугаать! А то ведь прихлопнут они нас тут, как котят, — на лице Алеши ясно были видны азарт и желание пострелять. Нехотя признав правоту Вадима, он убрал пистолет. Осторожно, пригибаясь, они обогнули кусты и побежали вдоль неглубокой лощины.

— Они идут за нами с вечера, — голос Алеши прервался. Они лежали в траве и не могли отдышаться. — Я за ними следил. Они вначале никак не обнаруживали своих намерений...

— Каких немерений? — перебил его Вадим.

— Как — каких? Подстрелить нас и — скушать!

Вадим промолчал. Ему хотелось наорать на Алешку, но было поздно ругаться, и он сдержался. Да и что он мог сделать, даже если бы знал, что за ними следят?

Вдалеке замелькала редкая цепочка преследователей. «Как загонщики на крупную дичь», — пронеслось в голове у Вадима. Они посидели еще немного и, увидев, что те все равно не пройдут мимо, поднялись и тяжело побежали вперед.

Стрела басисто пропела в воздухе и вонзилась в дерево. Тугим звоном отозвался белесый ствол. Вадим скользнул вниз и в сторону, отполз немного и перевел дыхание.

Из-за валуна впереди был виден ярко-синий комбинезон Алеши.

Вадим вскочил и метнулся к валуну. До него было метров тридцать. Густая трава замедляла бег, ботинки стали тяжелыми и цепляли носками неподатливые стебли. Что-то хлестнуло по плечу — еще одна стрела скользнула по комбинезону, пробороzdила на излете замшелый лоб камня и ушла куда-то вверх.

Вадим лежал рядом с Алексеем и хватал ртом скупой отмеренный фильтром кислород. Его слегка тошнило — наружный воздух попал в комбинезон. Царапина на комбинезоне уже затянулась, осталась только темная полоска. Потом и ее не будет. Если будет «потом»...

Маяк уже где-то рядом. Сейчас бы покружить по лесу, поискать его...

Вадима охватило бессильное бешенство. «Мы же бежим вдвоем быстрее туземцев, но они идут не оставиваясь, а мы через две минуты задыхаемся... и вот уже конец... Эти медлительные лучники теперь уже наверняка не выпустят нас отсюда». Вадим приподнялся и высунул из-за камня руку. В воздухе тонко свистнуло. Руку обожгло, как от удара хлыстом. Вадим невольно отдернул ее — стрела скользнула, даже не распоров рукав. От кустов донесся радостный вопль.

— Ишь, расхвастались, — пробурчал Алеша, — с тридцати-то метров и я попаду.

Лицо у него было нехорошее.

— Алеша! — быстро сказал Вадим, — не забывай — только против хищников, и только в крайнем случае...

— А они не хищники? — передразнил его Алеша. — Мне надоело чувствовать себя кроликом! Они уже больше шести часов в нас стреляют, просто чудо, что еще не пристрелили... Может, они думают, что после пробежки мы будем вкуснее?

— Ну, — протянул Вадим, не зная, что ответить, — они же в нас ни разу по-настоящему и не попали...

— Но это же глупо! — взорвался Алеша и за-

бывшись, приподнялся. В воздухе тут же пропела, совсем рядом с его головой, очередная стрела, и опять от кустов послышался радостный крик.—Они же таких, как мы, ни разу не видели, и сразу — стрелять!

—Наверное, они не читали Инструкции,— Вадим и сам почувствовал, что шутка получилась плоской.

Наступило молчание. Алеша о чем-то размышлял. Вадим смотрел на него и думал, что по Алешке сразу видно — вот сейчас он вспоминает что-то, а сейчас — о чем-то думает... Сам себе он казался ужасно старым и усталым.

Движения Алеши были как прежде, как давным-давно — стремительны и бесшумны. Раньше, чем Вадим успел вмешаться, тот уже стоял во весь рост, прижавшись спиной к шершавой светлой коре огромного, в три обхвата, дерева, и молча смотрел вперед, туда, где у кустов разом во многих местах зашевелилась трава. В воздухе пронесся слитный звенящий гул, оборвавшийся тупым дробным ударом. Вадим прикрыл глаза, а когда открыл их, Алешка стоял так же неподвижно, прижавшись спиной к дереву. Лицо его осунулось, на губах блуждала слабая улыбка. Невредимый, он с трудом шагнул вперед, оставив обозначенный несколькими десятками торчащих в дереве стрел свой контур.

Из травы на опушке поднялись и сделали несколько шагов к нему тяжелые непривычные фигуры. Алеша сделал неуловимое движение рукой, коротко кашлянул два раза его пистолет. Два раза сверкнуло там, впереди, и два стоящих чуть ближе остальных туземца упали, как подкошенные. Но тут же, с неожиданной для их неуклюжих тел ловкостью, вновь оказались на ногах. Воздух опять прорезал столько раз за это время прозвучавший восторженный крик.

Алешка сделал еще два шага вперед, бросил на землю пистолет, опустился в траву и захохотал.

— Действительно, Инструкций они не читали,— захлебываясь от смеха, с трудом произнес он.— Они-то, бедные, полдня гнались за нами, стреляли, показывали, что могут убить, но не хотят...— он закашлялся, и Вадим, не в силах сдержать счастливой улыбки, колотил его по спине и слушал, как сквозь

смех и кашель Алешка выкрикивает:— А мы-то ко всему со своей меркой, со своей Инструкцией... Действия, истолкованные, как угроза... Нам надо было сразу выстрелить в них и не попасть. Они бы сразу поняли, что мы тоже не хотим убивать...

Хозяева планеты неслышно приблизились и стали полукольцом, разглядывая чужаков. Вадим почувствовал себя очень усталым и совершенным тупицей... Алеша перестал смеяться и сидел, бессильно упираясь руками в землю. Вадим наклонился и помог ему встать. Они не спешили.

Маяк действительно оказался совсем рядом...

ЭТО ЖАРКОЕ, ЖАРКОЕ ЛЕТО...

Виктор откинулся на стуле, наблюдая монотонную жизнь лаборатории.

Тихо бормотала в углу Люда-лаборантка. Она всегда приговаривала за работой.

«Удивительно, как она может чертить в такую жару? — подумал Виктор. Он не смог бы. Виктор посмотрел на свои руки — крупные, с набрякшей сетью вен, они лоснились от пота. — Только ватман бы испортил...»

Работать не было сил. Воображение само выискивало немногие оставшиеся еще в городе прохладные места.

Мысленно Виктор спустился вниз, пересек гулкий вестибюль и мысленно же навалился на тугие высокие двери. Спаружи была жара до звопа в ушах и ослепительные на солнце бетонные ступени.

Солнце было маленьким и неярким на белесом выгоревшем небе. Асфальт податливо проминался под ногами, по тротуару распласталась пятнистая тень акаций.

Он брел прямо по солнцепеку. Жара стягивала лицо, как маска. Как высохшая маска. Как маска фараона... Тысячелетия назад земля так же изнывала от зноя, и все живое пряталось от солнца, а фараон сидел на троне, и два раба опахалами из страусовых перьев перегоняли по залу липкий горячий воздух. Фараон умер от жары, и быстро высохший пот стянул его лицо последней маской...

Виктор обернулся на скрип тормозов. Сзади остановился и распахнул дверцы новенький автобус. Краска на нем переливалась всеми оттенками синего цвета. Повинуясь внезапному импульсу, Виктор вскочил в начавшие сдвигаться двери.

Пассажиров было немного, вся солнечная сторо-

на желтела пустыми креслами, и Виктор опустился на раскаленное сиденье. Пахло разогретым пластиком, движением и дорогой. Автобус шел плавно. Он быстро выбежал за город и повернул на узкую прямую линию шоссе.

Солнце теперь падало спереди и сверху, продавлялось сквозь светофильтры в крыше, дробилось на поручнях веселыми синими бликами. Гудение мотора и шелест шин сплетались в непонятную азиатскую песнь. По салону гулял ветерок и было уже не так жарко, особенно если не прислоняться к все еще теплой спинке сиденья.

Бежавший по горизонту лес стал ближе и отчетливее. Пассажиров качнуло вперед, затем вбок, автобус свернул с шоссе и, пробежав тенистой аллежкой, остановился на укатанной гравийной площадке.

Виктор вышел последним. Постоял, обошел вокруг автобуса. Пнул зачем-то передний скат — шофер даже не поднял головы от газеты — повернулся и пошел по жесткой сухой траве.

Деревья скоро стали выше, их кроны — гуще. Трава росла сплошным ковром, земля становилась мягкой и сырой. Пахло летом и дождем. Впереди уже мелькала меж стволов гладь реки. К воде сбегал крутой откос. Но Виктор не спешил к реке. В этом был свой смысл — не броситься сейчас же в воду, а постоять, посмотреть вниз, подумать и пойти вдоль берега, выбирая место для купания.

Он не спешил. Шаг его был упруг, как была упруга земля под ногами. Сигарета была вкусна, а ветер — прохладен и влажен. Подлесок разросся в чащу. Ветки кустов приходилось отводить руками. Он в очередной раз раздвинул листья и остановился, облитый не колючим и обжигающим, а ласковым и зеленым, отраженным от бесчисленных листочков и травинок, солнечным теплом.

Перед ним лежала небольшая окаймленная кустарником поляна, одним крылом полого спускавшаяся в воду. Широкий плес казался светлым и прохладным даже издали. Стена деревьев там, на другом берегу реки, была темно-зеленая и парадная.

Он старался не спешить, но разделся в мгновение ока. Еще мгновение спустя он оказался в воде, и тут

обнаружил, что не одинок. Чуть в стороне, по пояс в воде, стояла женщина. Ветерок гладил ее плечи, ее влажная кожа золотом отсвечивала в солнечных лучах. Голубые капли не могли удержаться на ней и стекали в реку. А отражение ее было зыбким и неясным, и дрожало и колебалось... И расплывалось в пологой тихой волне...

...И расплывались, покачивались четкие линии чертежа перед глазами, все так же бормотала Люда-лаборантка в углу за шкафом...

Все было по-прежнему. Виктор с трудом освободился от наваждения и придвинул ближе чертеж, чувствуя и бодрость от своего воображаемого путешествия, и нестерпимую после речной прохлады духоту лаборатории.

Назавтра жара повисла над городом прямо с утра. Днем тоже было жарко. Очень жарко. Жарче, чем вчера — если вообще могло быть жарче, чем вчера.

До обеда Виктор еще работал. Он пробовал работать и после обеда, но в конце концов понял, что это бесполезно. Упершись взглядом в чертеж, он попытался и не сразу смог вызвать в воображении ту полянку, и изгиб реки, и плывущие в спокойной воде облака...

Солнце уже заметно склонилось к горизонту. Тонкий аромат трав плыл над землей, сливаясь, но не смешиваясь с прозрачным свежим запахом реки.

Он заметил ее, когда выходил из воды. Она сидела в дальнем углу полянки, и отсюда не понять было, смотрит она на него или нет. Он медленно пошел через лужайку, и капли воды, ставшие на воздухе холодными, быстро сохли, щекоча и стягивая кожу. Солнце мягко гладило спину теплыми лучами, щедро разливалось вокруг. Ближние ветви светились теплым золотым сиянием, лишь в глубине листвы прятался таинственный зеленый полумрак.

Она сидела на залитой этим сиянием траве и смотрела на него без тревоги или удивления. У Виктора похолодело в груди от ее взгляда и от ее лица, и он споткнулся, почувствовав на миг желание повернуть обратно, но не смог или не решился. Он тут же справился с собой, подошел к ней почти спокойно и сел —

не очень близко, но и не далеко. Сел как раз на таком расстоянии, на каком нужно садиться, чтобы не показаться слишком самонадеянным и чтобы не выглядеть смешным, разговаривая издали.

Она уткнулась в лежавшую перед ней книгу, а Виктор сидел, лихорадочно искал и не находил какой-то первый вопрос. В голове крутилась лишь глупая фраза о погоде, и он в отчаянии, словно бросаясь в воду, спросил:

— Хорошая сегодня погода, не правда ли?

Спросил и смолк, чувствуя себя совершенно беспомощным, но она подняла голову и улыбнулась, и у него разом отлегло от сердца. Заразившись ее улыбкой, он облегченно расхохотался, пытаясь смехом скрыть смущение. Она тоже рассмеялась, глядя на него. А потом они вновь замолчали, но уже не так, как прежде — лед был сломан. И он вновь заговорил, но уже без усилия.

Да, она часто здесь бывает. Так часто, как только удастся — легкая тень пробежала по ее лицу, и он заметил это.

Его зрение вообще вдруг обострилось. Он видел сейчас сотни разных мелочей, которых раньше и не приметил бы, которые сами по себе ничего не значили, но все вместе складывались в единое целое, в картину, которая навсегда останется в памяти и будет оживать по своим, не совсем понятным законам, повинуюсь толчку, который могут дать и запах влажной земли, и шероховатая на ощупь скатерть под ладонью, и скрип двери, похожий вдруг на неумолчное пение цикад, пронизывающее весь этот летний день...

Виктор поймал себя на том, что не слушает ее, а смотрит на ее шевелящиеся, чуть обветренные губы, видит нежную линию подбородка, подсвеченный солнцем золотистый пушок на загорелой коже, ее опирающуюся на землю узкую руку и муравья, озабоченно пробирающегося в траве рядом с рукой. Ему стало легко и весело, он вскочил на ноги и протянул ей руку:

— Пойдемте купаться!

Она не приняла руки, но гибким движением поднялась и побежала к кромке влажного песка. Он отстал и смотрел, как она подбегает к реке. Солнце било

в воду, засвечивало Виктору в лицо. У самой воды она приостановилась, обернулась — легкий силуэт, вырезанный в серебряном полотне. Ветром шевелило рябинки на воде, катало по ним маленькие ослепительные солнца. Они дрожали, вразнобой вспыхивая и притухая, и ее фигура казалась размытой по контуру и окруженной теплым сиянием...

— ...Витя, тебя опять в мастерские вызывают. Говорят, на чертежах не те допуски проставлены.

Виктор не сразу понял, чего от него хотят. А поняв, поднялся и нехотя пошел в мастерские.

В мастерских было жарче, чем в лабораториях, пахло машинным маслом и сгоревшей изоляцией. Рубашка у тучного мастера некрасиво прилипла к спине. Чертежи оказались в порядке, чувствовалось, что мастеру просто неумоготу работать. Все это отняло довольно много времени, и рабочий день успел подойти к концу.

На улице висела тонкая пыль и бензиновый перегар. Солнце было оранжевым, как перезревший апельсин. Оно совсем не грело. Дышать было нечем.

В общежитии было так же тускло и пыльно. В комнате пахло худосочной городской зеленью и асфальтом. В коридоре все время слышались шаги, за стеной разговаривали. Виктор лег на кровать, как солдат на привале — не раздеваясь и без сил.

...А на реке солнце малиновым своим краем упруго проминало черту горизонта. Девушка еще была здесь и заметно обрадовалась его появлению. Он молча опустился рядом. Вода без плеска набегала на песок. Воздух на глазах синел. Лезвие горизонта, наконец, справилось с солнцем — располовиненное, оно почти не светило, только бросало снизу на небо отблеск своего потускневшего тела. Закат был багровым. От воды по ногам ползла прохлада.

Было бережно и непривычно. Хотелось, чтобы что-то случилось, и чтобы нужно было действовать, может быть, спасти ее от чего-то непонятного и враждебного, и Виктор осторожно перевел дыхание, расслабив непроизвольно напрягшиеся мышцы.

Напряженность прошла, оставив ушедшее вглубь смутное ощущение, что что-то забыл и нужно немед-

ленно вспомнить и побежать куда-то и что-то немедленно делать...

В лесу оказалось совсем темно, и он несколько раз споткнулся. Под ногами зашуршал песок дорожки. Она шла рядом. Виктор слышал ее дыхание, легкое и неровное. Невидимый в темноте, опускался туман. Она зябко вздрогнула, и Виктор осторожно обхватил ее рукой за плечи. Плечи были податливыми, как неживые, и в нем шелохнулась волна грусти и нежности к ней и ко всему на свете.

Идти обнявшись было неудобно, и они замедлили шаг. Впереди уже просвечивали сквозь деревья слабые огоньки последнего автобуса, и она мягко высвободилась из-под руки Виктора.

В салоне, кроме них, не было ни души, и водитель не включал освещения. Автобус слегка покачивало. Она всю дорогу просидела глядя вперед, туда, где под колеса торопился асфальт, и словно не замечая, что рука ее лежит у Виктора в ладонях. Он тоже молчал, а за окном в ярком отблеске фар проносились редкие встречные машины и впереди ненастоящим светом люминесцентных ламп мерцал город.

Призрачными тенями скользили по улицам прохожие. Акации стояли черными в свете фонарей и окон. Медленно надвинулся троллейбус. Салон был ярко освещен и пуст. Она села рядом. Виктор, не касаясь, ощущал плечом тепло ее плеча.

Они вышли. Серые коробки пятиэтажных зданий тускло светили разноцветными окнами. Прошли несколько домов, остановились у подъезда. В приоткрытую дверь вырывался косой луч света, перечеркивая ступени и выхватывая из темноты неправдоподобно яркую зелень.

Откуда-то донесся обрывок разговора, смех. Это словно сняло с нее минутное оцепенение. Она торопливо бросила Виктору: — Прощай... — и заторопилась, застучала каблучками по ступеням. Он догнал ее и поднимался следом, стараясь ступать бесшумно, чтобы не перебить четкий дробный ритм ее шагов.

Отперев дверь, она обернулась и тихо выговорила: — Не надо... Ступай... Не надо...

Ее смятение передалось Виктору. Тугими толчками пульсировала кровь. В горле вдруг пересохло. Он

сделал шаг вперед. Она, как во сне, попятилась, качая головой и беззвучно произнося:

— Не надо... Не надо...

Спиной она толкнула дверь. Они перешагнули порог — сначала она, он за ней. Она не подняла руки, чтобы остановить его. Сухо щелкнул замок. Неясным пятном светилось в темноте ее поднятое к нему лицо...

...Виктор стоял у окна в своей комнате. С сигареты на подоконник упал столбик пепла. Было зябко. Заспанная дворничиха под окном поливала асфальт, нехотя таская за собой черный лоснящийся шланг. Лучи солнца коснулись верхушек деревьев. Асфальт отдал за ночь все тепло и теперь смиренно подставлял спину шелестящей водяной струе.

На работе началась очередная запарка. В этой горячке Виктор не замечал, как и что ест, допоздна засиживался в мастерских, почернел и высох.

Только поздно вечером он мог мысленно побывать на берегу реки. Попадал он туда всегда в разное время, словно бег часов там был иным, отличным от настоящего, не воображаемого мира. Но всегда — и днем, и ночью, и в пепельные сумерки — его не отпускало ощущение непоправимости затянувшегося ожидания. И даже в воздухе, в бодрящем свежем запахе земли и лета, был разлит тот аромат грусти и увядания, который может появиться лишь осенью, в солнечные и печальные дни бабьего лета, который тревожит и беспокоит острым, как боль, нетерпением.

Ее не было. Он сидел у самого уреза воды, вспоминая ее сбивчивый шепот:

— Все равно... Все равно... — и неожиданно сильное движение, которым она охватила его голову, прижимая ее к своему плечу и сама прижавшись щекой к его волосам. Он чувствовал ее щеку и горячее тепло ее тела, ему было неудобно, но он боялся спугнуть этот ее неожиданный порыв и молчал, и вслушивался в трепет ее слов:

— Пусть... пусть... — и неожиданное, обращенное уже к нему. — Ты не ищи меня, не надо... Я сама найду тебя... Слышишь? Обязательно найду...

И, почувствовав его недоумение и горечь, она не отпустила его головы, но еще крепче прижала ее к

себе, так что Виктор остро ощутил щекой и губами упругий шелк ее кожи, судорожно вдохнул ее запах, и все прошло, рассеялось, оставив после себя уверенность в ее искренности, грусть и нежность... И это тоже осталось в нем и заставляло его теперь искать ее следы на узкой кромке заливанного водой песка, и ждать, ждать ее появления здесь, у реки.

Он все время помнил, что это происходит во сне, и ломал голову, откуда взялись такие сны — сны наяву, сны, которые он помнит лучше, чем то, что с ним происходило на самом деле, сны, разбившие надвое это жаркое лето...

За окном лаборатории опять бушевало и плавилось солнце. В полном безветрии выгорала и покрывалась пыльным налетом листва деревьев...

...Виктор брел от реки к остановке автобуса. Было жарко. Закатное солнце стелило Виктору под ноги его собственную тень, до конца которой он никак не мог дойти. Автобус, нещадно дребезжа стеклами, довез его до перекрестка и услужливо раскрыл дверцы в асфальтовую пелену улицы. Троллейбус пришлось ждать долго, и он успел вдоволь посомневаться, стоит ли разыскивать ее. Но отступать уже не хотелось, и он протрясся несколько остановок на задней площадке троллейбуса и потом долго блуждал среди одинаковых жилых корпусов. Днем все выглядело иначе, чем ночью, но он все-таки нашел тот подъезд, выкурил сигарету и медленно вошел в дом.

Знакомо скрипнула дверь. Виктор поднимался по лестнице, и впереди ему чудился стук каблучков. Переведя дыхание, он коротко коснулся тугой черной пуговицы звонка. Быстрые шаги, щелчок замка, равнодушные, обрадованные, затем испуганные глаза. Радость медленно стекала с ее лица, радость, которая — он ясно это видел — появилась, когда она его увидела.

Напряжение ожидания хлынуло с Виктора, он переступил с ноги на ногу, а молчание затянулось, и она вскинула на него глаза, прислонившись плечом в двери.

Уверенная хозяйская рука мягко, но властно отодвинула ее в сторону. Дверь распахнулась шире, про-

пуская высокого, коротко стриженного парня, и вновь прикрылась, на этот раз плотно, притянутая широкой, покрытой светлыми волосами рукой. Парень секунду постоял, держа ладонь на ручке двери, затем медленно, всем телом, повернулся к Виктору. На легкой полотняной куртке блеснул ультрамарином значок. Буркнув «Пошли!», он стал спускаться по лестнице. Последние отблески солнца, прорвавшись сквозь окно, сверкнули рыжиной на его светлых волосах. Мерно покачивались плечи. Виктор легко ступал следом, чуть приотстав. Он чувствовал себя скверно, зная уже, что напрасно пришел сюда, что приходить было не надо. Под этими мыслями вторым, глубинным слоем лежала память о ее глазах в тот момент, когда она открыла дверь. Все, что он успел увидеть в них — радость, боль и страх — все смешалось в нем, и это было хорошо.

А поверх всего была пустая, никчемушная мысль о значке, мельком увиденном на груди у парня — почему-то казалось очень важным разглядеть его, этот значок.

На улице, пройдя вдоль стены дома, парень вдруг остановился, и Виктор чуть не наткнулся на него. Парень стоял и недобро оглядывал Виктора. А тот не отрывал глаз от значка. Значок был действительно необычен — синие языки пламени из двух поленьев дров. Предстояло неприятное объяснение, это Виктор знал. Знал он и то, что может постоять за себя — ему приходилось бывать в переделках. Но очень уж обычная складывалась ситуация: их — двое, он — третий лишний... Самое лучшее для него сейчас — уйти, и как можно быстрее.

Он не двинулся с места, ему не дали уйти ее глаза, какими он их увидел минуту назад. Ему не дала уйти та грусть, которой — неощутимо — была пропитана вся их первая встреча.

Для парня ситуация была ясна. Она требовала завершения. И он завершил ее. Он ударил — коротко и почти без замаха. Удар был очень силен, но или ярость ослепила парня, или Виктор успел инстинктивно отшатнуться в сторону — удар пришелся вскользь, ожег скулу и лишь качнул Виктора назад. Мир тоже качнулся и вновь встал на свое место. А парень бил

снова, и Виктор машинально сделал длинный скользящий шаг в сторону. Удар догнал его, но, ослабленный движением Виктора, смог лишь на мгновение сместить все вокруг. Все дрогнуло и успокоилось и стало видно отчетливо-резко, как на хорошей фотографии.

Виктор с обреченностью почувствовал, что надо быстро — быстро! — уходить или бить самому. Бить вразрез, косыми встречными длинными ударами. Бить, или самому быть битым. И с той же обреченностью почувствовал, что не сделает ни того, ни другого.

...Падая, Виктор пытался удержаться и уже не почувствовал, как острым краем врезался в ладонь и, зажатый в ней, остался в его руке синий необычный значок.

...Он ткнулся лицом в бумаги. Кто-то вскрикнул, его стали поднимать. Нашатырного спирта в аптечке не оказалось, ему начали растирать виски духами. Виктор уже пришел в себя и вяло отстранял заботливые руки. Что-то мешало ему, он разжал кулак и увидел на ладони красивый — синее пламя над синими поленьями — значок. Это его потрясло настолько, что он дал себя отвести в медпункт. Фельдшер тут же поставил диагноз — тепловой удар, и Виктор, хотя к этому времени уже совсем оправился, не возражал против освобождения от работы.

Ночью в городе всегда больше звуков, чем днем. Шум мотора ночной машины мечется меж домов, залетает в окна и вываливается обратно. Он долго еще живет на улицах, хотя сама машина давно уехала.

Гулко ухает на заводе паровой молот. Днем его не слышно, а ночью во всем городе вздрагивают окна от его тяжелого дыхания. Ночью оглушительно шестит вода в трубах. Город весь пронизан трубами — трубами водопровода, трубами отопления, трубами канализации и газопровода. По своим трубам-проводам течет электричество. Течет с шумом, но услышать этот шум можно лишь ночью.

Виктор только что проснулся. Было темно. Где-то очень высоко пронзительно сверлил ночное небо запоздалый самолет. Низко гудели от собственной тя-

жести стены дома. Знакомо угадывались предметы в комнате. Полумрак был насыщен запахами. Они жили своей особой жизнью, приходили и уходили, как слепок с жизни вокруг. Пахло ночью и бензином с улицы. С первого этажа, из флакона с неплотной пробкой, пришел запах рижских духов. Нежным запахом тепла и молока пахли младенцы в окрестных домах.

На потолок ложились огни. Каждый огонек из окна не смешивался с другими и отдельно дрожал на зыбком потолке.

Виктор смотрел на них невидящими глазами и никак не мог вызвать в памяти ее лицо. Он помнил все — солнце, зелень и парной запах земли, и ускользало лишь ее лицо. Больше того, Виктор сообразил, что и раньше он не мог его припомнить. Ее руки, губы, голос — все было с ним. Он видел ее фигуру, стройную и чуть тяжеловатую — не сложением, а законченностью форм, их безупречной женственностью... А лица ее он вспомнить не мог.

Ему стало жутковато в ночи. Он встал, не зажигая света, прошел к окну, закурил. Как звезды, перемигивались городские огни. Эти мигающие в беспокойной тишине огни тоже были тревожными, и их тревога неожиданно подействовала на Виктора успокаивающе. Он докурил, постоял еще немного, быстро лег и сразу уснул.

Лето кончалось. Зной схлынул, и все оживилось вокруг. Кому-то пришла в голову счастливая мысль — устроить вылазку за город. Идею дружно поддержали. Как всегда, когда долго и заранее не готовятся, вылазка получилась на славу.

В лесу уже густо пахло осенью. Река отдавала синей сталью и первыми заморозками. Солнце было прозрачным. Разложили костерок — его светлые, с дымком кудри также были прозрачными.

Перекусили, чем бог послал. Послал он немного, но все были веселы, не от вина, его тоже было немного, а оттого, что все так сразу, не сговариваясь, решили ехать, и вот уже здесь — у костра, у реки, под глубоким синим небом с ослепительными крахмальными облаками, и все так хорошо и прекрасно...

По земле подкрадывался вечер. Тени деревьев протянулись по полянке. Маленький потрескивающий костер стал желтым, теплым и уютным. Все собрались вокруг огня. Люда сидела, подтянув колени к подбородку. В ее глазах мерцали и вытягивались вверх язычки пламени. Угли в глубине костра были алыми и прозрачными. Они бесшумно трескались и разваливались на части. Над ними плясали, пытаясь оторваться и взлететь, тонкие плотные лепестки огня.

Люда вдруг гибко, без помощи рук, встала, повернулась, задержавшись на миг в свете костра. Ее фигурка, охваченная тренировочным костюмом, казалась отлитой из металла. К ней ничего нельзя было прибавить и ничего нельзя было отнять. От этого она казалась крупнее, чем есть. В следующее мгновение статуя ожила — Люда сделала шаг, опустилась на траву, чуть подальше от костра, и снова замерла, глядя то ли в огонь, то ли на Виктора, то ли на что-то за его спиной.

Виктору стало тревожно. Он огляделся. Сумерки штриховали все вокруг серой тушью. Ему показалось, что он слышит тонкий жалобный лепет воды на песке. Хрупкое ощущение узнавания появилось в нем. Он задержал дыхание, чтоб не спугнуть его. Волна грусти медленно поднялась и отошла, смыв все чувства и оставив лишь холодное и ясное ощущение утраты.

Обратно все ехали молча. Виктор сидел, прикрыв глаза и опустив руки в карманы куртки. В руке был зажат колючий — языки огня над все горящими и никак не сгорающими поленьями — значок. Виктор сжал кулак сильнее, и значок врезался в ладонь. Он нужен ему, чтобы не считать все случившееся сном. Виктор понимал, что объяснить его видения по-иному невозможно, но твердо был уверен, что это не сон. Почвы для такой уверенности у него не было — лишь собственная убежденность да этот вот значок, и он опять повертел его в пальцах, не вынимая из кармана, и вновь зажал в кулаке.

Назавтра был выходной — веселый солнечный день. Виктор вышел из дому и бесцельно брел по улицам, стараясь не наступать на трепетавшие в тени на тро-

туарах солнечные зайчики. Ноги сами привели его к институту, и он негромко рассмеялся этому. Вокруг было пустынно, лишь впереди виднелась женская фигурка. Женщина шла медленно, и Виктор почувствовал знакомое по своим волшебным снам волнение, узнав эту походку и стройную длинноногую фигуру. Он подошел ближе. Это была Люда. Волнение его не ушло, лишь превратилось в приподнятое, безоблачное настроение, при котором все удается, все кажется легко и просто.

Он взял Люду за руку и повел по выгоревшим на солнце стерильным плитам тротуара туда, где когда-то во сне впервые сел в автобус. В автобус, увезший его в сказку, продолжения которой он сейчас и ждал, и боялся.

Скрипнули тормоза, подошел и остановился — не у остановки, а просто так — знакомый синий вагон. Остановился, принял их в свое солнечное нутро и покатил дальше, прозаически гудя мотором, время от времени впуская и выпуская пассажиров.

Прошуршал под колесами гравий конечной остановки. Меж деревьев не было ветра, недвижный воздух прогрелся солнцем, и, казалось, что он остался здесь с лета. Это душноватое тепло обволокло их, и Люда, словно отогревшись и очнувшись от молчания, сказала негромко сама себе, зная, что и Виктор услышит:

— Как странно... Как будто я уже была здесь... А я точно знаю, что не бывала...

И, после недолгого перерыва, заполненного звуками сдвоенных — не сговариваясь — шагов, так же негромко добавила:

— Вообще, очень странное чувство. Двойственное какое-то — все вокруг незнакомо, и вдруг посмотрю на тебя, и все меняется, и кажется, что я все здесь знаю... Как-то все связано с тобой... — и она повела плечами, бессильная облечь словами свои зыбкие ускользающие ощущения, и лишь сжала на миг его пальцы, и он чуть пожал в ответ ее узкую ладонь. Он молчал. Слов не было нужно. Он шел уверенно, хотя — он тоже это знал — был здесь впервые, как и она. Впервые, если не считать снов.

На полянке было пусто. Листья к осени погрубели и не шевелились. Ветра не было. Они сели у воды,

слушали тихий стеклянный звон водяных струй на песке и молчали.

Люда вздохнула, длинно и судорожно, как всхлинула.

Виктор не глядя — ему не нужно было глядеть, он всем существом своим ощущал ее присутствие, — протянул руку, коснувшись ее плеча, а потом — тяжелых густых волос. Рука зарылась в волосы, чувствуя каждым пальцем, что Люде это приятно, легла в перепутанице прядей ей на затылок. Ладонь сама удобно подстроилась, словно готовая принять на себя тяжесть головы, если Люде вдруг вздумается откинуться, помедлила, а затем мягким движением качнулась назад и вбок. Люда, словно загипнотизированная, легко качнулась вслед за этим осмысленным движением его руки и тихо опустилась головой на колени Виктора, замедленно повернувшись на спину и придерживав рукой его руку, которая с затылка соскользнула на ее щеку, кончиками пальцев касаясь подбородка.

Вокруг стояла тишина. Говорить не хотелось. Люда изучала лицо Виктора — словно вбирала в себя его черты — исподтишка, смежив ресницы. Она потерялась о его ладонь и чуть слышно засмеялась — от избытка переполнявших ее чувств. У обоих было такое ощущение, что они долго шли и наконец пришли куда-то, куда так долго стремились, где хорошо и покойно и не нужно больше никуда спешить...

Набежал ветерок, и кусты прошелестели листьями, а день тянулся, последний день уже ушедшего лета. Было хорошо, и хорошо было ехать в автобусе, глядя, как земля за окном медленно поворачивается вокруг вбитой где-то у горизонта оси.

Люда заговорила первой. Голос ее дрогнул чуть заметно, и Виктор взгляделся в ее лицо. На него легла тень отчаяния и решимости, как перед прыжком в холодную воду.

— Ты знаешь, когда умерла мама, я осталась одна. Совсем одна... — она помолчала и, прежде чем он успел пошевелиться и сказать что-нибудь, продолжила: — У меня был друг... То есть я думала, что друг...

Она сбилась и после паузы растерянно досказала:

— Это кончилось раньше... Прошло. Понимаешь, все было не то... Я совсем тогда растерялась...

Это было совершенно, абсолютно неважно, и Виктор похлопал кончиками пальцев по лежавшей в его ладонях ее руке. Люда уловила это ласковое движение его руки и расслабилась, потому что сказала то, что считала нужным.

А Виктор вдруг физически ощутил лежащий в кармане — он так и не расставался с ним — голубой значок. На миг пришло сознание нереальности происходящего. Он покосился на Люду. Ее нежное, углубленное сейчас в себя лицо совместилось, слилось с лицом из его снов — он ясно вспомнил теперь его. Виктору стало непонятно, как это он так долго не мог удерживать его в памяти. Это было лицо Люды, и он с досадой на себя подумал, как это было глупо — ежедневно видеть и не узнавать ее.

Логический ум Виктора не мог мириться с раздвоенностью, вошедшей в его жизнь с необычными снами наяву. Поэтому сейчас он с облегчением увидел, как сливаются воедино два течения его жизни — воображаемое и реальное. Было лишь одно, что продолжало тревожить Виктора — значок. Осязаемый, реальный, уж никак не воображаемый значок.

Виктор слышал о способности некоторых людей читать текст, прикрытый листом плотной бумаги, об экспериментах лос-анжелесских физиков по прямому — одним усилием воли — влиянию человека на протекание точных химических реакций. Он читал о людях, способных усилием воли, взглядом перемещать небольшие предметы, гасить расположенную за стеклянной перегородкой свечу. Этому придумали даже специальное название — телекинез. Но одно дело — читать и знать, а другое — столкнуться с этим в жизни...

Автобус затормозил у знакомого перекрестка. Они с Людой вышли. Виктора ни на минуту не покидала поднявшаяся из глубины души нежность к Люде, к ее открытости. Этой нежности не мешала недоверчивость к себе и своей раздвоенности, исчезавшей с каждым шагом, который они делали вместе с Людой к остановке троллейбуса, к ее дому. Он вел ее, вел уверенно, доверчивую и сосредоточенную в себе. Вел и чувствовал, как все большей реальностью становятся его сны. Он знал, что они исчезнут, когда знакомо щелк-

нет замок, и дверь отгородит их с Людой от того, что было раньше, разделив их жизнь на две половины.

Сны исчезнут, но не потому, что их не было, а потому, что они станут неснами, станут так же реальны, как и все, что случилось с Виктором в его жизни, вплетутся в прошлое, из которого, как стебель из корней, вырастает будущее...

Люда, наконец, очнулась от своих мыслей и с удивлением заметила:

— Ты так идешь, как будто знаешь дорогу!

Он в ответ прижал ее локоть к своему боку. Она невесомо оперлась на его руку, соразмерила шаги с его шагами. Они так и шли под руку, шагая вместе. Лишь иногда она сбивалась с ноги и делала длинный скользящий шаг, чтобы поймать ритм и снова идти, чувствуя плечом его покачивающееся плечо.

Им еще предстояло узнать язык прикосновений, чуть заметных пожатий руки, легких касаний друг друга плечом — язык, который без слов передает мысли и чувства. Они уже начали учиться этому языку, уже понимали его и находили в этом удовольствие — удовольствие узнавания друг друга.

На лестнице Виктор отстал от нее. Он ставил ногу на ступеньки так, чтобы без помех слышать стук ее каблучков, раскатывающийся в пустом подъезде. На площадке между этажами он остановился, сунул руку в карман и вынул значок. Окно было открыто, свет, не процеженный сквозь стекло, дробился в голубой эмали негорящих, негреющих дров. Виктор слегка подкинул значок на ладони и точным движением без сожаления бросил его в распахнутую за окном синеву. Прислушавшись, он уловил легкий звук падения — ничто внутри не отозвалось на этот звук — и повернулся, чтобы идти вверх. Люда уже стояла перед дверью. Спина ее была напряжена. Она чувствовала взгляд Виктора и его приближение. Ключ повернулся. Дверь дрогнула и подалась — впустить их.

Виктор стоял чуть сзади. Люда обернулась и посмотрела на него открыто и внимательно. Он кивнул ей — чуть заметно, и чуть заметно улыбнулся — ободряюще и успокаивающе.

СОДЕРЖАНИЕ

Рейс на Росу (<i>повесть</i>)	3
Кольцо для Академии наук	44
Вы нам нужны	62
Инструкция	69
Это жаркое, жаркое лето...	78

Анатолий Александрович Андреев

РЕЙС НА РОСУ

Фантастическая повесть и рассказы

Редактор *Т. А. Поздеева*. Художественный редактор *А. П. Николаичев*. Художник *А. Г. Сафиуллин*. Технический редактор *С. И. Зянкина*. Корректор *Г. Б. Емельянова*.

ИБ № 425

Сдано в набор 09. 04. 80. Подписано к печати 09.09.80. НПО3347. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага тип. № 2. Гарнитура «обыкновенная новая». Печать высокая. Усл. печ. л. 5,04. Уч.-изд. л. 4,75. Заказ № 0781. Тираж 50 000 экз. Цена 15 коп.

Издательство «Удмуртия», 426057, г. Ижевск, ул. Пастухова, 13.

Республиканская типография Государственного комитета Удмуртской АССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 426057, г. Ижевск, ул. Пастухова, 13.